

"Танец Лиса(СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Тau Mirta

Фанфик Танец лиса

Шапка фанфика

Пейринг:

Рейтинг: NC-17

Жанр: Romance/Adventure/Fantasy

Размер: Миди

Статус: Закончен

События: Оборотни

Саммари: На всякого лиса найдётся свой охотник.

Комментарий автора: Толчком музе и пинком автору послужил стих, вынесенный в эпиграф, автор — alter-sweet-ego, большое ей спасибо.

Пейринг: Охотник/Лис

Файл скачан с сайта Fanfics.me - www.fanfics.me

Глава 1

[i]Под синими звёздами Лис-привереда планирует яркий побег.

Охотник идёт по неясному следу: уж больно пушистым был снег!

Охотник шагает, винтовка на взводе. На рыжую шкурку цена

Растёт ежедневно, растёт год за годом — уж больно красива она.

А рыжая шкурка не хочет сдаваться — ни уши, ни лапы, ни хвост.

Следы замечает — горазд издеваться! На небе — скопление звёзд.

Сияют и жмурятся, смотрят игриво, как будто хотят извести.

Охотник опять улыбается криво — четвёртые сутки в пути.

Охотник не выспался и не наелся, за Лисом он брёл до утра -

И снова до вечера. Он притерпелся. Он пахнет дымком от костра.

Охотник шагает размеренно, чётко, сомнения не было, нет.

Лис каждым прыжком отбивает чечётку, петляя и путая след.

Лис в этом лесу безусловный хозяин, он знает здесь каждый сворот.

Охотник усталыми смотрит глазами, идти продолжая вперёд.

Охотник, замучавшись, ставит капканы: хлопок — и поймаётся Лис!

Богат арсенал всевозможных приманок — от сыра до рыбы и птиц...

Расставил, разметил, немного согрелся, доволен: подвох не найдёшь.

А Лис любопытный, а Лис пригляделся: уж больно Охотник хорош!

И сильные руки, и крепкие плечи, в улыбке как солнце дрожит...

Лис знает: капканы его покалечат, но если захочет — сбежит.

Лис знает: капканы его не удержат, он лапу легко отгрызёт.

Лис чувствует, как бесконечная нежность оскоминой горло дерёт,

Срываясь, пульсирует где-то под горлом, поёт тишиной у виска,

И каждый прыжок он рисует прямее — чтоб было легко отыскать.

Охотник не ищет. Он ждёт — и дожждётся. Он знает финальный исход:

За сень виднокрая опустится солнце — и Лис неизбежно придёт.

И Лис — неизбежно! — оступится. Смажут багрово по шкурке лучи.

...Охотник не знает, что Лис ему скажет: — Попробуй меня приручить? ©[i]

Как же хороша Вариша! Кожа белая, точно первый снег, румянец — прозрачно-алый отблеск засыпающего на горизонте солнца; глаза — светлое небо, мелькающее в прорехах серых зимних туч обещанием весенней благодати; волосы чёрные, густые — точь-в-точь ветви ласковых вётел, клонящихся по берегам речки Неряди. И смех... Она часто смеётся, всегда по-разному: то зальётся колокольчиком на морозном воздухе, то тихо-тихо — как пересыпает речной жемчуг. А может и расхотаться, поблёскивая перламутровыми зёрнышками мелких зубок, утирая выступившие слёзы и отмахиваясь: ну тебя, уморил.

Кромгалу не нужно смотреть на неё. Он знает каждый смех Вариши и слышит каждое слово; да что там слово — каждый вдох рисует её, словно следы на снегу — образ проскользнувшего тропой зверя. Кромгал сидит в своём углу, склонившись над рукавицами, и не поднимает взгляда, но все равно видит её. Стежки ложатся на разъехавшийся шов, крепкая нить стягивает дублённую кожу, а он слушает. Раз стежок — Вариша усмехнулась и притопнула ножкой, не верит рассказам Лесьяра. И правильно, он тот ещё болтун. Два — фыркнула и пихнула в бок подружку, зашептала жарко ей на ухо. Они смеются, а сидящие вокруг парни ёрзают: чего это? Про кого это? И сразу смолкают задорные шутки; в избе, где сегодня собрались на вечорки, становится тихо-тихо. А Кромгал в этой тишине слышит, видит Варишу: она опускает глаза, тербит нить, на которую за весь вечер нанизала всего три бусины и

вздыхает задумчиво, но глаза так и блещут из-под соболиных бровей. Кто же взрежет тишину бойким словом? Кому достанется быстрая улыбка и, быть может, ласковый взгляд?

Конечно, неугомонный Лесьяр никому не уступит такую честь. Он оглядывает избу и радостно хмыкает:

— Гляньте, Кромгал опять с шитвом пришёл! Эй, Кром, совсем обабился? Может, принести тебе лукошко яиц — к весне высидишь мне квочек?

Все смеются, но Кромгал лишь тянет нить, завязывая узелок. Он никогда не умел языком молотить. Вот постоять за себя — да, но за что тут стоять-то: Лесьяр просто треплется, в который уж раз пытается поддеть, но Кромгал и не думает обижаться. Дав ему жизнь, мать ушла в вечно летние луга Верояни, и Кром с отцом жили вдвоём, сами вели всё хозяйство. Он умел и шить, и прядь, и вязать. Даже вышить бы смог, да только зачем? Вышивку творят девушки: затейливый узор на платье — чтобы показать себя, мастерицу, или на поясе, рубашке — чтобы одарить милого. Ему, бирюку, это без надобности.

— И то, Кромгал, — весело говорит Вариша, — ты бы ещё портки нечинённые принёс!

Сердце ухаёт куда-то вниз: она так редко называет его по имени! Кром поднимает глаза и, минуя улыбки остальных парней и девушек, смотрит на неё, но не может ничего сказать в ответ, как и всегда. И всем, наверно, легко читать по его лицу...

— Да портки куда приятней глазу, чем твоя вышивка, Вариша, — слышится мягкий голос. — У тебя же стежки будто пьяной ягоды наелись: разъезжаются вкривь и вкось, бедные!

Вариша смеётся (блеск перламутра, звон колокольчика):

— Ох, точно говоришь, Вель! Они у меня пьянее, чем Ским в день урожая, правда!

Вель(1) сидит в сторонке ото всех. Рядом с ней Стех(2), Стех-бортник. Все знают, именно ему она по весне дарила венок из хрупкого первоцвета, и он принял его. А ещё всем известно, что отец Вели, вышень(3) Зима, три года назад сговорил её за толстого Гурзя, сына мельника. И ведь всего у них в достатке, но Зима так строг и так любит дочь, что не отдаст за простого бортника. Этой весной будет сватовство, а по осени и свадьбу сыграют. И осталось первоцветным супругам, Вели и Стеху, одни зимние вечорки посидеть рядом. Она нижет бусы младшим сестрёнкам, а он подаёт стеклянные кругляшки, молча, и не спрашивает, когда и какой нужен — знает. Вель тонкая, русенькая, угловатая — похожа на взъерошенного воробушка, совсем не красивая. Но могучий Стех замер у её ног и смотрит в сторону, но как же бережно выбирает он бусины из плетёного короба. Как осторожно вкладывает их в протянутую ладошку — точно передаёт что-то важное, самое дорогое. И Вели так трудно дежать спину прямо под тяжестью этих бусин — утекающих минут времени. Кромгал смотрит на них и думает, что понимает Стеха: он бы тоже всё отдал за один такой вечер у ног Вариши. Но к ней разве подойдёшь...

— Ни шить, ни вязать толком не могу! И стряпаю-то кое-как! Ох, никто не возьмёт меня замуж, неумеху! — Вариша закрывает лицо руками, и её притворные всхлипы тонут в весёлом крике: как никто? А я? А я? Меня, меня выбери, я готовый хоть сейчас, одно твоё слово! Вариша вновь смеётся, и Кромгал опускает голову. Про него все уже забыли, лишь Вель одаривает улыбкой — тёплой и чуть печальной, словно солнце Листопадня. Славная она, Вель.

— А вы слышали: опять Лис объявился! — лицо у Лесьяра самое таинственное.

Смех мгновенно смолкает, все поворачиваются к нему. И Вариша тоже. Она даже наклоняется вперёд — так интересно:

— Опять? И что делал?

— Говорят, гулял по деревне. Тявкнул на тётку Дару, да так, что она села в сугроб!

— Пустое! — сквозь хохот прорывается густой рык Ждана-охотника. — Дара как пьяной настойкой зальётся, ей всякая тень — лис, а сугроб — перина. А вот что кто-то у бабки Доброгневы кур передушил — это да, это только Лис мог.

— Всех? — хором удивляются девушки.

— Всех. И ни одной не взял. Для забавы, стало быть.

— Может, хорь? — подначивает Лесьяр.

— Да какой хорь! — Ждан важно крутит ус. — Сам рыжий волос там нашёл. Следы, опять же. Но как пробрался он туда, не пойму!

— Что же это за лис такой? — удивляется Вариша. — И не поймают его никак.

— Да как его поймать, — хмыкает Лесьяр. — разве не знаете: он умнее Зимы нашего.

— И размером с телка! — подхватывает кто-то. — И плясать умеет! И в человека перекидываться!

— Ой, правда, правда! — звенит девичий голосок. — Понесла же от кого-то Искра наша — даром, что вдова!

— Да нешто вдове у нас в селе и понести не от кого, как от никудышного лиса-оборотня? — возражает мужской бас.

— А видел ли ты, Мило, её двойняшек? Рыжие, как огонь!

— Ну, Искра и сама-то...

Смех, шутки.

— Пустое, — вновь рокошет Ждан. — Обычный лис. Большой только, ежели по следам смотреть. Ну и хитрый, да, но лисы они такие и есть. Просто старый, наверно.

— Ты ловил его? — голос Вариши задумчив.

— А как же. Видеть не видел, только хвост мелькал в ёлках — утёк, пройдоха. И силки мои обходит, как заговоренный. Топчется рядом, но так и не попался.

— Вроде, отраву кто-то клал?

— Ну да, — Ждан улыбаётся в усы. — Доброгнева, вона, клала. Теперь без курей будет поживать. И поделом, отраву — это погань, зверя так убивать негоже. Правильно ей Лис под дверью навалил отменную кучу... — сидящая рядом Любима успевает зажать ему рот, и Ждан сразу забывает, что хотел сказать, замирает от её прикосновения. Вокруг хохот, а они смотрят друг на друга, точно одни на всём белом свете. Хорошая пара — Ждан и Любима, и родители

согласны. Много свадеб будет этой осенью.

— Года два он у нас безобразит, Лис, — тянет Вариша. — Эх, кабы мне его!

— Зачем он тебе? — звонко спрашивают из угла. — Уж у тебя шуба — всем шубам шуба! Или ещё на ворот надо?

— Да нет, не на ворот, — смеётся Вариша. Совсем по-особому смеётся, тихо и мягко; Кромгалу слышится журчание ручья в густой траве. А Вариша говорит мечтательно:

— Я бы его приручила. Ни у кого в Полесье нет своего лиса, а у меня бы был!

«Нет, — думает Кромгал. — Разве можно приручить лесного зверя? Разве можно его запереть?» Но Ждан совсем притих подле своей ненаглядной, и никто Варише не возражает. А она распаляется всё больше:

— С рук бы у меня ел! Не верите?

— Верим, а чего ж, — сразу несколько мужских голосов. — Мы бы и сами у тебя с рук ели, только захоти!

— Нужны вы мне, — хохочет Вариша. — Если только... — она вдруг закусила губу и бесшабашно трянула головой, — А что, молодцы, хотите услужить?

— Хотим, хотим!

Вариша молчит, обводит избу взглядом прищуренных глаз. Повисает тишина.

— Ну так вот: кто приведёт мне Лиса — того самого, а не какую-то полудохлую животину! — того я... — она медлит, чуть улыбается. — ...поцелуем одарю!

Шум, визг. Вот это Вариша смелая! Девушки хихикают, парни переглядываются: пошутила?

— Я не шучу, — Вариша чуть покраснела, но глаза блестят ещё ярче, и она диво как хороша сейчас. Кромгал давно уже забыл про свои рукавицы. — Поцелую, верьте слову!

— Вот это дело, — крикает Лесьяр. — Если уж за поцелуй королевне нашей Лиса подавай, то что она попросит за остальное?

Вариша замахивается на него, а кто-то припечатывает:

— А уж где поцелуй, там и остальное, нешто не знаете!

Теперь хохочут уже все.

— Да ну вас, — беззлобно отмахивается Вариша. — Языками-то горазды молоть, только пустозвонить и умеете. Разве сможет кто из вас...

— Я.

Взгляды обращаются к Кромгалу, и он понимает, что сказал это вслух.

— Ты-ы? — нараспев тянет Вариша, смерив его взглядом. — А сможешь ли?

— Не сладишь, Кром, — неожиданно встречается Ждан. — Даже я его упустил.

И ещё не поздно отшутиться как-нибудь, замять. Но Кромгал не скор на язык, да и Вариша смотрит, смотрит на него.

— Слажу.

— Что ж, давай, — Вариша ведёт плечиком. — Покажи, что умеешь не только старые рукавицы штопать!

И ничего не старые. Добрые рукавицы, в память от отца остались.

— Может, и я попробую? — полушутливо предлагает Лесьяр.

— Ой, да ты его если и поймаешь, то заговоришь до смерти!

Опять смех. Кромгал посидел ещё немного, а потом встал и тихонько вышел, никем не замеченный.

* * *

Студёное дыханье зимней ночи обожгло разгорячённое лицо, Кромгал замедлил широкий шаг. Вот ведь, не смолчал. Понятно же, что посмеялась Вариша, а он-то, дурак...

А если нет? Кромгал покачал головой. Даже если и так, то что с того? Притащит он этого лиса, поцелует она его через силу — за обещанное при всех придётся. Но зачем? Не люб он ей. Да ведь и никто не люб, если подумать. Всё шутит, всем улыбается, но ни на кого не смотрит так, как Любима на своего Жданушку. Правда, такой девице пристало любить самого лучшего, самого достойного.

Например, того охотника, что приведёт ей Лиса?

Кромгал потопал ногами, стряхивая сухой снег, и вошёл в избу. Засветив лучину, огляделся. Изба у него была добрая, одна из лучших в Полесье: отец строил с расчётом на большую семью, на десяток детишек. Да вот не сложилось. Может, у него, Кромгала, получится? И тогда зашлёпают по гладко струганным половицам маленькие ножки, а пустая изба наполнится суетой и детским смехом. Он прошёлся по комнате, представляя, как тут всё станет при хозяйшке. Она должна быть тёплой и звонкой — такой, чтоб горело всё в руках. И певучей. Эх, хорошо бы она пела. А он бы для неё... Для Вариши...

Вариша.

Кромгал грустно усмехнулся. Нет, не пойдёт она обживать эту просторную избу. И то сказать: не ей мозолить руки стиркой да уборкой. Ей пристало разве что Лиса кормить, чесать за ушком. Может, он и правда заурчит, прогнётся мягкой кошкой под маленькими ладошками, ляжет покорно у ног. Может, и ляжет.

— Что ж, добуду тебе Лиса, — вслух сказал Кромгал. — И не надо мне никаких выменянных поцелуев.

Просто радуйся, подумал он. А там, глядишь, и помянешь когда меня добрым словом.

(1) проверила выдуманное имя в гугле: оказалось, что Вель — это речка в Архангельской

области.

(2) выдуманный Стех оказался фамилией, происходящий от имени "Стефан", что, в свою очередь, означает... "венок". Вот ведь.

(3) здесь: староста, сельский голова

Глава 2

Кром был славный охотник, не хуже Ждана, пожалуй. Только, не в пример тому, он никогда не охотился ради забавы и не бился об заклад: брал столько зверя, сколько нужно для пропитания и продажи шкурок, а лес читил, как родителя. И за это лес был к нему ласков — пустым Кромгал ни разу не возвращался. Промышлял он и лисицу, особенно зимой, когда за пушистую шубку можно хорошо выручить в городе.

Лисы хитры, приметливы и памятьливы. Стронешь ветку, притопчешь снег у привады(1) — и всё, ушла. Это вам не псовая охота, когда паратые(2) собаки настигнут лису и принесут хозяину-богатею, тут самому надо лисом быть. Но Кромгал их норов знал и исправно добывал рыжие и чёрно-бурые шкурки. Он ставил разные самоловы, да только все они — кулемы, плашки, черканы, зубари(3), могли и прибить зверя, а Лис ему нужен живьём. Ну, не ему, Варише. Вернувшись с вечорок, Кромгал перебрал своё охотничье хозяйство. Выбрал обмёт(4) — тонкий, но прочный, и самый долгий кош(5). Но сначала тропить(6) — по старому следу, по заячьим ходам, найти, где любит гулять Лис.

Через день он вышел на первую ловь — на рассвете, после нового снега. Шёл и боялся, что кого-нибудь встретит. Известно: попадётся кто перед началом лови — удачи не жди. А раньше никогда поверья не соблюдал, вот ведь. Но он никого не встретил, ни в селе, ни за околицей. Подбитые мехом лыжи летуче скользили по синему в сумерках снегу, и вскоре он, поклонившись лесу раскрошенной для птиц лепёшкой, нырнул под разлапистые ветви ёлок. Лисы с рассветом залегают по дневкам, и Кромгал немало попетлял меж деревьев, прежде чем отыскал ровные строчки сжатых с боков следов. Снега к середине зимы заглубели; об эту пору лисы больше охотятся за боровой дичью или ищут падаль, но попались ему и несколько покопок, сбрызнутых бусинками крови, на тех местах, где они мышковали. Кром легко читал эти знаки, но не находил нужных ему крупных следов матёрого зверя. Он задумался, а есть ли здесь у Лиса нора, и сам себе ответил: нет. Тот изредка приходил в Полесье и оставлял после себя изрядно баек да домыслов: здоровенный рыжий лес с умными глазами, обходящий все ловушки и охотников. «Поглядим, как-то он от меня уйдёт», — думал Кром, возвращаясь из леса. Ещё издали он заметил пёструю стайку девушек и молодцев в проулке, хотел обойти, но не успел.

— Гляньте-ко, охотник на Лиса возвернулся, — обрадовался Лесьяр. — Что пустой идёшь? Не добыл покуда?

— Добуду, — буркнул Кром, невольно останавливаясь и отыскивая взглядом Варишу. Та смотрела в низкое серое небо и улыбалась чему-то своему.

— А мы колядовать собрались. Айда с нами, в хари рядиться?

— Пойдём, пойдём, — загомонили все. Он покачал головой.

— Да ну тебя! — звонкая толпа повлеклась дальше по улице, а Кром стоял, глядя им в след. Не больно и хотелось, шумные забавы он никогда не любил. А всё ж Вариша могла бы хоть

посмотреть. Или кивнуть. Он вздохнул и повернул к дому, думая, что Снежень уже миновал, и теперь жди морозов Лютовоя.

Как в воду глядел. Дни стояли ясные и бесснежные, ночи — студёные. Кромгал в избытке находил следы и даже видел несколько раз мышкующих лисиц, но обычных, не тех. Не того. Он наготовил лёгких стрел, чтобы задеть Лиса — ранить, но не убить, и каждый день перед рассветом уходил в лес. Зверь не показывался. Охотник ждал. И однажды нашёл их: самые большие лисьи следы, что он видел. Пришёл. Чудно, подумал Кром, разглядывая утоптаный снег на поляне. Выходило, что Лис был здесь, и к нему приходили другие, словно на поклон. Сразу вспомнились басни, которые ему рассказывала бабушка: о лесном царе, о волколаках, которые над зверями властители. Он мотнул головой. Не бывает никаких оборотней, старушечьи рассказы это, чтобы непослушных чад утишить. А если и бывают, то не здесь, а в Поречье или в Загорье, или в городе. Хорошо рассказывать зимней ночью страшные басни, да кто же поверит, что нечисть есть и в своём доме? Он присел, разглядывая следы, тронул пальцем, очертил. Глубокий след, хозяйский, но беглый. Так ставит ногу не зрелый степенный муж, а молодой неугомонный парень. Что ж, поглядим, каков ты есть.

На следующий день Кромгал пришёл на лисью поляну с привадой — подгнившей бараньей тушей. Он присмотрел себе место, чтобы схорониться, когда вернётся, и оставил тушу лисам. Ночью они придут к ней, учуяв запах падали.

* * *

Кром тихо крался в рассветных сумерках к поляне — против ветра, как положено. Ещё издали он услышал возню и приглушённое тьяканье. Лисы кормились. Он скользнул ближе, медленно, прячась за деревья и заснеженные кусты — глаз у лисицы острый. Мало-помалу подошёл совсем близко. Вкруг туши кипело рыже-бурое месиво, оголовавшие лисы рвали замёрзшее мясо. Кром окинул их холодным охотничьим взглядом. Хорошие лисички, да только... И тут он затаил дыхание: на краю поляны сидел огромный лис. Склонив голову набок, он смотрел на возню своих собратьев и как будто скучал. Но как же хорош! Никогда Кромгал не видел такого меха — много гуще, темнее, ярче, чем обычно бывает. Лис обвёл поляну взглядом, и ему почудилось, что в звериных глазах вспыхнули искорками последние предутренние звёзды. Кром потянулся за луком. Лис повёл ухом. Кром осторожно вытянул стрелу из тула; выдохнул, прицелился. Скрипнула тетива... Лис вскочил и глухо тьякнул: остальные, мигом позабыв о корме, порскнули в разные стороны, одна даже чуть не врезалась Крому в ноги. Он заморгал, пытаясь отыскать свою цель, но зверь уже скрылся в ельнике, только его и видели. Ну уж нет. Кром, не убирая лук, кинулся следом: рванул вперёд, отыскивая среди многих следов один, уже знакомый. Лис поскакал в чащу: он петлял меж деревьев, уводил. Кром неумоимо распутывал строчку следов. Вот тут, вроде, лёг... Нет, просто пустился вкруговую, знаем. Небосклон заалел зарёй, ветер усилился, но Лис и не думал залегать на дневку. Кромгал бежал за ним, читая снег, тронутый быстрыми лапами. Ближе, ещё. На охоте он всегда бывал спокоен, а тут кровь прямо бурлила. «Тихо, — осадил он себя, приостановившись у очередного извива запутанного следа. — Промажешь ещё». Но ожидание небывалой добычи гнало вперёд. Переждав, он решил не бежать, а идти: красться, не теряя следа. Лис должен спрятаться на день, тогда он его и поднимет с лёжки. Кром неторопливо тронулся с места. Следы теперь шли прямо. Зверь успокоился и ищет место для сна. Вот и славно. Он вышел из перелеска в низину. Дальше будет спуск и овраг, где... Он остановился, почувствовав взгляд и медленно поднял голову. Ниточка следов взбегала по снежному скату и поднималась на пригорок. А на его вершине стоял Лис. Стоял неподвижно и глядел на Крома, склонив голову набок. Тот тоже застыл. Как целиться в кого-то, кто смотрит тебе в глаза? И всё же, не отводя взгляда, он потянулся к висящему у бедра тулу, нащупал стрелу. Вскинуть лук, почти не целясь, уже светло, не промахнётся... И тут Лис прыгнул: взвился с места длинным красивым движением,

почти взлетел. Повернулся, мазнув по снегу рыжим хвостом, и опять. Кром уставился во все глаза. Чего это он? Мышкует? Но нет: Лис не прислушивался, не стерёг, он просто... танцевал. Другого слова Кром подобрать не мог. Зверь струился, перетекал живым пламенем, играл; первые лучи затеплились на снежной белизне поля, заискрились на рыжей шкурке. Кром, ослеплённый, шурился, неотрывно следя за тем, как очередной прыжок переходит в поворот, как Лис припадает, стелится по снегу, прогибается, вьётся, перебирает лапами, вскидывает острую морду, будто приветствуя новорождённое солнце. Кромгалу даже казалось, что он улыбается, прижмурив глаза. Он так и не сдвинулся с места — стоял, держа в руках ненужную стрелу. Нельзя же стрелять в того, кто пляшет. Пляшет так... радостно. А Лис в последний раз повернулся гибким волчком, глянул через плечо, да и сгинул, нырнув за пригорок. И Кром мог бы поклясться, что напоследок тот оскалил клыки в улыбке — то ли весёлой, то ли насмешливой. Наконец он отмер, убрал лук и прошёл вперёд. Почему-то на пригорок, теперь уже как следует облитый сиянием бледного солнца, он не стал подниматься; обошёл его, спустился к оврагу. Следы вели вниз — Лис залёг на дневку. Кромгал окинул овраг задумчивым взглядом и повернул обратно, домой.

Вот как. Значит, не только враньё в полесских байках. Лис и впрямь пляшет. И большой он, правда. Не с телка, конечно, и даже не с барана, а всё равно велик. Ну что ж, тем забавнее будет диковина Варише. Поймать бы только. И зачем отпустил его, дурень? Он же прямо лез под стрелы. Не смог. Не смог и всё. Ладно, пусть побегаёт Лис по снегу последние деньки, пусть потешит быстрые лапы. Когда-то ещё придётся: в девичьей горнице или в овине, куда там его поселят, больно не разбежишься.

Вечером Кром пришёл к оврагу с кошем, сплетённым из гибких ореховых прутьев. Пробираясь по рыхлому снегу, подлез с другой стороны, кропотливо убрал все следы, оставил приманку. Наутро пришёл проверять и нашёл кош пустым. Приманка тоже была на месте. А вокруг — следы. Они рассказали ему, что кто-то раз за разом обходил ловушку, оглядывал, а потом решил: ну уж нет, сами сюда идите. Добро же. Он привязал за спину ловушку и пошёл по следу. Лис ушёл от оврага, пребрался поближе к чаще. На опушке был навален бурелом, следы к нему. Кром запомнил место, но близко подходить не стал: только залёг, учует ещё. Он походил, проверяя, не вышел ли Лис из круга, не вернулся ли обратно — они часто так делают, а потом оказываются за спиной у охотника. Но нет, лёжку он отыскал правильно.

Вернулся он на закате, со своим лучшим, самым длинным обмётом. Осторожно, почти не дыша, обошёл бурелом, натягивая сеть. Когда Лис проснётся, то попадётся в неё, и его легко можно будет спеленать или, на худой конец, подстрелить. Так думал Кромгал, втыкая в снег последнюю палочку. Только он потянул за завязки, замыкая обмёт, как сильнейший рывок повлёк его вперёд: сеть, обжигая, чиркнула по пальцам; Кром сумел удержать её, но сам не устоял на ногах. Вскочил на ноги, отплёвываясь от снега, и увидел, как рыжий хвост замечает следы по дикому полю: Лис удирал огромными скачками. Он бросился за ним, вспомнил, что снял лыжи, помянул в сердцах сивобородого Хрура и вскинул лук; стрела устремилась к Лису, но где уж там — слишком легка, не долетела. Зверь уходил. Кром прыгнул на лыжи, встал на след, и тут небо начало сыпать блескучий снег. Да ещё и низовой ветер поднялся, позёмка. След заметёт, а он заплутает в поле. Кром стоял и смотрел, как мелькает вдалеке рыжая шубка — Лис опять умудрился сберечь её в сохранности. Он глубоко вздохнул. Ну что ж, как отец говорил: не сегодня, так завтра. И нечего тёмных богов поминать к ночи. Успокоенный, он вернулся к опустевшей лёжке и... Вместе с Хруром помянул ещё белоглазую Морену. Обмёт был порван, да так, что чинить придётся не один день. Вот ведь.

У околицы Кром опять встретил своих. Сразу посыпались весёлые незлобивые шутки: что, мол, не даётся тебе Лис? И как им ещё не надоело насмешничать. А Вариша и в этот раз промолчала. Кромгал махнул рукой, прощаясь, и отвернулся от них.

— Ну что же ты молчишь, Вариша? Совсем приуныл твой охотник, — задорно прожурчала одна из девушек — Чернава, кажется.

— А что мне с ним говорить, — голос лился ленивой равнинной речкой, но Кром ощутил его ударом рогатины промеж лопаток. — Вот приведёт Лиса, тогда и поговорим.

— Тогда уж не только поговорите, а и чего больше, — это Лесьяр не смолчал. Хохот, визг — девушки забросали его снегом. Парни вступились, и начался на околице снежный бой. Кромгал, незамеченный, ушёл.

* * *

После того случая Лис как воду канул. Кромгал оставлял привады, бродил по чащам и перелескам, но так и не нашёл знакомых следов; ходил днём, и на рассвете, и даже ясными ночами пару раз бродил — без толку. В деревне, правда, поговаривали, что видели его, но Кром знал: брехня. Если бы Лис явился, он бы нашёл его. Почуял. Почему-то он знал, что так будет. И он уходил в лес опять и опять: ставил силки и самоловы; добывал куниц, белок, соболей, а вот лисиц отпускал, огладив по мягкой шубке. На вечерки он теперь не ходил. Казалось, все уже забыли про варишину блажь, но он не мог вернуться с пустыми руками. А вдруг она скажет что. Засмеёт. Шутки остальных ему что с гуся вода, пусть зубоскалят, а вот от неё... Никак нельзя.

Как-то утром ему попался Стех.

— Вот ты где, лесной скиталец, — поприветствовал он. — Что на водосвятии(7) не был?

Кромгал молча смотрел в ответ. Уже середина зимы? Скоро, стало быть, хлад спадёт, а там и Сечень с метелями подоспеет, у лис начнётся гон — свадьбы. Вот тогда-то Лис и...

— Ну что с тобой делать, — Стех взял его за плечи, сжал. — Совсем одичал, из лесу не вылазишь, а весь дом привадами провонял. И далась же тебе эта кичливая девчонка! Брось, все уж забыли, и сама Вариша не вспомнит.

Но Кром строптиво мотнул головой.

— Нет, — собственный голос показался хриплым. И впрямь одичал. Стех вздохнул, хлопнул его по плечу. Вспомнил, наверно, о своей Вели и понял. Да только не знал он, что во сне Кром иногда видел пригорок, золотящийся в рассветных лучах, и пляшущего на нём Лиса.

(1) — приманка, обычно подгнившее мясо

(2) — резвые

(3) — и ещё множество ловушек на лис

(4) — сеть

(5) — плетёная ловушка в виде корзины или цилиндра

(6) — идти по следу

(7) — был у славян и такой праздник

Старуха была совсем согбенная; её почти не было видно из-под кучи хвороста на спине, и оттого казалось, что вязанка ползёт по снегу сама. И куда в такую рань понесло? Кром остановился. Возвращаться — плохая примета, но не помочь нельзя. Он съехал со снежного склона-языка ей навстречу.

— Не много ли навьючила, бабушка?

Та остановилась, переводя дух, и близоруко прищурилась на него.

— Так ведь метели скоро, когда ещё схожу.

Кром взялся за кручёную завязку и легко вскинул вязанку на плечо.

— Показывай дорогу.

Старуха разогнулась, хрустнув поясницей, и уколола его неожиданно острым взглядом.

— Али не знаешь? Удачи не будет.

Кром отмахнулся. Её, удачи, и так не было. Следуя за неожиданно шустрой старухой, он думал, что и впрямь замаялся с этим Лисом. В Сечень охота всегда добычлива — у лис начинаются свадьбы, они сбиваются в стаи и забывают об осторожности. Но на Громницу(1) шёл снег — стало быть, месяц будет метельный. В снег по лесу не больно походишь. Бросать надо эту блажь. Люди, вон, уже смеются. Да и шкурки снятых набралось, их бы образить, а то с чем по весне в город идти? Его скору(2) там хорошо брали, но и сил приходилось влагать немало: сначала вымачивать, потом мыть, потом мездрить(3)...

— Ну, будет, — старуха остановилась у околицы. — Дале сама донесу.

— Давай уж до избы, — возразил Кром, но она ухватилась за верёвку и ловко подлезла под вязанку, уместив хворост на тощей спине. Крякнула и сверкнула из-за плеча быстрым взглядом.

— Благодарень тебе, Кромгал, сын Словиши. Лёгкого снега!

Лёгкого снега. Встарь так желали удачи охотникам в зимень — чтобы не упреждать зверя, что за ним идут. Кром глядел ей вслед. И вернуться вы домой, взяться за выделку, но раз уж пожелали, надо пойти — чтоб доброе слово не пропало. Он развернулся и двинулся к молчаливому в сумерках лесу, думая, откуда взялась эта старуха и почему кличет его по имени. Сам он её не признал.

Поклонившись лесу, он скользнул в привычную тень заснеженных ветвей. Окоём разгорался зарёй, и в её свете было нетрудно прочесть по следам всё, что происходило ночью. Где заяц проскакал, где сова мышью скогтила, где лисы пробежали — стаями, как он и думал. Но следы были не те. Не его. Не нашёл, видать, Лис себе подругу. Или же нашёл, да далече отсюда. Покружив по лесу ещё немного и проверив заветные места, где оставлял допрежь привады, Кром решил вернуться. Хватить дурью маяться. Пусть смеются, кому охота. Вот только Вариша... А что Вариша? Уж и думать, поди, забыла.

Так мыслил Кром, когда перед ним открылась небольшая круглая поляна. На краю её росла рябинка, а под ней...

Лис. Стоял на задних лапах, опираясь передними о тонкий ствол, и скусывал с веток сладкую по зиме рябину. Гибкие ветки вырывались из хватких зубов, стегали по острой морде; Лис недовольно урчал, рывал на непокорное деревце, но продолжал жевать ягоду, роняя половину на снег. Крома он не чуял. А тот замер, не дыша. Вот он, Лис — совсем рядом! В жилах знакомо загорячело, рука дёрнулась вверх, за плечо. Медленно-медленно он снял верный лук и потянулся к тулу. Он мог не глядя узнать каждую из своих любовно слаженных стрел. Осина и перо филина — хищная северга(4) будто сама прыгнула в руку. Кром положил стрелу на тетиву и прицелился по оперению. Лис всё обкусывал ягоды, строптиво дёргая головой. Пушистый хвост ходил туда-сюда, уши были прижаты. Куда же бить? Стараясь не скрипеть тетивой, Кром поводил луком. Грудь или бок? Нет, подохнет. Лапу перебить? Он представил раздробленную кость и поморщился: негоже так издеваться. Да и не получится, больно легка стрела, и наконечник мал. Надо уязвить, но не сильно, а там уж взять с подхода — подранка он поймать сумеет.

Лис наконец опустил на все лапы и сунул морду в снег, выскивая упавшие ягоды. Кром натянул тетиву до отказа...

Резкий свист взрезал морозный воздух. Лис упал, но тут же вскочил, крутанулся на месте и нашёл Крома взглядом. Мгновение смотрел на него, а потом извернулся, вцепился в торчащую из бедра стрелу и вырвал её. Яростный хруст — Лис перекусил стрелу пополам, развернулся и рыжей молнией метнулся в чащу. Кром пустился за ним, подхватив на ходу обломки стрелы. Мельком глянул — наконечника не было. Он остановился, припоминая. Лис упал и вскочил, значит, уязвлён в мякоть. И наконечник застрял. Не самая тяжёлая рана, но и лёгкой её не назовёшь. Он подкатил к рябинке: в россыпи ягод нашлись алые бусины брызнувшей крови. Кром вскинул лук на плечо, обдумывая, как быть дальше. Он не торопился. Лиса крепка на рану, но подранок стремится побыстрее найти лёжку. Гнать его надо осторожно, чтобы не спугнуть, а как ляжет, то либо стронуть и подстрелить, либо обмётом взять. Тут он вспомнил, что нечинённый до сих пор обмёт остался дома, и усмехнулся. Значит, придётся тропить и брать с подхода. Ничего, никуда не денется на этот раз. Раненая лисица далеко не уходит. Она таится, петляет меж деревьев и кустов, но Кром умел распутывать любой след и знал, что он приведёт его к заветной лёжке. Только бы снег не пошёл.

В свете утра след был хорошо виден. Кром скользил рядом и удивлялся: ровная строчка, никаких изгибов, никаких хитростей. Он присел, разглядывая след. Левая задняя лапа ступает лишь чуть тяжелее, чем остальные. Лис ярится, не чувствует боли и просто уходит от погони. Кром нахмурился, подтягивая лыжи. Ну ладно. Стало быть, за ним.

И начался гон. Сперва Кром ещё останавливался, чтобы перевидеть Лиса, но не спугнуть, а потом перестал. Лис не пытался спрятаться и переждать день на лёжке, зализывая рану, но бежал — словно стремился куда-то. Может, в своё логово? Кром всё ждал, что вот-вот след уведёт его к оврагу или ещё какому укромному месту, но нет. Лис бежал. Рыжий хвост мелькал впереди, дразня и зазывая за собой. С неба слетали редкие снежинки, лыжи чуть слышно шелестели, а Кром всё шёл и шёл, не отрывая взгляда от лисьего следа. Несколько раз он останавливался перевести дух, а потом снова: чащи сменялись просеками, низины — пригорками, лисий хвост вспыхивал шальной искрой где-то там, на другом конце ровного следа. И когда левый глаз заслезился от алого закатного света, Кромга понял, что день почти миновал. Он прищурился на лесок, в котором скрылся Лис, на след. Тот стал неровным — видать, заговорила уязвлённая лапа. Вряд ли после целого дня хода Лис будет путать след. Тут никаких сил не хватит. Пора отдохнуть — и ему, и охотнику. Кром мягко съехал с пригорка и нырнул в ельник.

Разумный человек не пойдёт в зимний лес без трёх вещей: огнива, топорика и запаса пищи.

«Идѣшь в лес на день — хлеба бери на седмицу», — говаривала бабушка. На седмицу, конечно, многовато, но сухари в его заплечном мешке всегда водились. Набрав валежника, Кром сложил костѣр и ударил кремнем по кресалу. Сноп искр мгновенно подпалил сухой трут, смолистые сучья занялись жарким пламенем. Кром подогрел над огнѣм чѣрствую лепѣшку и сжевал её, запивая холодной водой из меха. Солнце давно уже нырнуло в заснеженный окоѣм, в лесу заухала ночная птица. Кром смотрел на огонь и удивлялся, как это его занесло в такую даль. Суточный ход лисы — полтора десятка поприщ(5). Ну, два. А Лис увѣл его почти за три, и неизвестно, залѣг ли на ночь. Да нет, залѣг, точно — не деревянный же он. Кром вдруг представил, как Лис бежит, глотая колючую снежную пыль, унося в лапе тупую ноющую боль от засевающего наконечника.

— Чудной зверь, — прошептал он. Случалось и ранее заходить за добычей на другой конец Полесья, но никогда ещё не хотелось словить зверя так сильно. И его настиг охотничий яр(6). На ум Крому пришли басни(7), которые сказывала бабка на ночь ему, маленькому. В них охотники уходили в леса, замороженные златорогим оленем или белым лунным волком, а возвращались после многих приключений на тройке коней, с мошной денег и писаной красавицей. В его же басни только Лис-пролаза(8) да костѣр в зимнем лесу, а красавица на вечерках — звенит серебряным смехом, нищет для виду бусы. Кром усмехнулся. Ну и ладно. Пусть Вариша как хочет, но Лиса он словит. Хоть для неё, хоть... Да просто так. Просто потому, что на всякого лиса есть свой охотник.

Он подбросил в костѣр валежника и, устроившись на куче припасѣнных еловых ветвей, зябко притулился под деревом. Спал вполглаза, вскидывая иногда голову и сонно прислушиваясь. Где-то перекликались волки, но далеко, нестрашно. Перед рассветом Кром вздрогнул, просыпаясь. Тело ныло после долгого гона, уговаривало повернуть домой, но он пересилил себя: забросал снегом тлеющие угли, вздел лыжи и вновь встал на лисий след.

* * *

Всякий охотник знает: лисица-подранок не ходит через чистые, открытые места. Она выберет лес погуще или западину на равнине. Да только Лис, кажется, этого не знал. Он бежал неверной рысью напрямки через дол; не сворачивая и не петляя, проходил через чащи и перелески. Этот странно прямой след тянул Крома за собой, точно повод. Не зная устали, он скользил на своих быстрых лыжах и к полудню второго дня перестал узнавать места. Равнину пересекала маленькая речушка — безымянный приток Неряди. Кром, помедлив, осторожно перешѣл её по неглубоким сугробам и почувствовал себя так, словно вошѣл в иномирье. Вроде всё то же — небо да снег, но лес стал реже, вдали завиднелся Загорский кряж и будто самый воздух стал другим на вкус. А следы уводили прямой строчкой по белому полю. Он оглядел их: левая задняя лапа ступала всё тяжелее, иногда Лис даже проваливался, взламывал ей тонкий наст. Больно, наверно. И куда его несѣт? Кром уже не надеялся, что Лис ляжет засветло. И точно: будто следуя людскому обычаю, тот опять бежал весь день. К вечеру они оставили позади не менее двух десятков поприщ. Крому казалось, что он вот-вот настигнет Лиса. Что за следующей рошей увидит его, завязшего в снегу. Но Лис, мелькая впереди, всякий раз уходил за перестрел(9).

Под вечер Кром, вымотанный гоним, еле заставил себя развести костѣр. Ноги студенисто дрожали в коленях, руки тоже отчего-то слушались плохо. А ещё считал себя выносливым. Он нехотя зажевал пару лепѣшек и со стоном улѣгся на свалѣнные наспех сосновые ветви. Так он не бегал ещё никогда. У Лиса-то откуда силы берутся? Ведовство какое-то. Но о возвращении он в этот раз не мыслил. Куда уж теперь поворачивать, после стольких усилий. Много чести... Кром беспокойно задремал под треск горящего валежника. А в нескольких поприщах от него, под корнями вывороченной сосны, Лис, вздрагивая от боли, свернулся в нетугой комок.

Он тоже очень устал.

* * *

На рассвете с неба полетели мягкие крупные хлопья, но Кром не взволновался: след подранка был глубоким, и захочешь — не потеряешь. Он умылся свежесвыпавшим снегом и уже привычно двинулся по двойной нитке. Лис теперь шёл не так прытко, иногда скакал на трёх ногах. Кром знал, что настигает его, но не торопился, берёт силы. Вскоре зверь совсем ослабнет, тогда и можно будет его взять.

Кряж встал перед ним неожиданно. Вроде мелькал лишь смутно-корявой полосой на окоёме, но когда Кром выехал из очередной низины на пригорок, то столкнулся с ним, точно с древним закаменевшем змием, поросшим сосновым лесом. Загорский кряж угрюмо нависал над равниной, через которую заплутавшим огоньком скакал Лис. Вон как. Значит, он пришёл из Загорья. Кром там не бывал, а загорских видел только в городе и никогда с ними не разговаривал. Он вновь глянул на заснеженный хребет кряжа. На узких извилистых тропинках он, лесной житель, Лиса не выследит. Надо ловить сейчас, пока не ушёл в свою поднебесную нору. Заслонившись ладонью от пасмурного света, Кром зорко вглядывался в снежный покров долины. В одном месте её пересекал лог — неглубокий, но широкий. Лис пойдёт напрямки — так быстрее. Было бы быстрее, если б он не ковылял на трёх лапах. Кром тронулся с места. Он обойдет лог по ровному и встретит Лиса с другой стороны. И вот теперь надо поторапливаться.

Серое небо, вихрящийся снег, шелест лыж — всё слилось в один смазанный порыв белого ветра. Кром бежал, что есть сил, обходя лог по полукружью. Он заприметил на подходе к кряжу небольшую рощицу и решил укрыться там, поджидая Лиса. Усталость отступила; охотник в нём ощущал близость желанной добычи. Влетев в редколесье, Кром остановился, переводя дух. Лиса он не видел, но знал, что тот либо попытается взойти на кряж, либо придёт в эту рощу — с другой стороны была Нерядь, а в Поречье он мог и раньше перейти, да не перешёл. Ветер тихо посвистывал в ветвях, снег повалил гуще. Кром ждал. Лиса всё не было. Неужто почуял его и ушёл за реку? Только он так подумал, как на снегу зажглось знакомое рыжее пятно. Зверь шёл медленно, не по-лисьи тяжело увязал в сугробах и жался к опушке. Кром спрятался за дерево, подпуская Лиса ближе. Шаг, ещё один. Лук сам собой выскочил из-за плеча, в ладонь лёг тяжёлый томар(10). Кром прицелился в бок, но тетиву завёл до лишь до половины — такой удар ошеломит, вышибет дух, но не убьёт. Тетива упруго натянулась в умелых пальцах и швырнула в Лиса стрелу. В этот же миг зверь учуял что-то: он встал, повёл носом и...

... резко прынул назад.

Томар влетел ему в голову.

Лис взвился, подброшенный ударом, и упал.

Кром бросился к нему. Неужто насмерть зашиб? Неужто зря гнал в такую даль? Он бухнулся на колени рядом с Лисом. Глаза у того были закрыты, но он дышал — мелко-мелко, с присвистом. Кром склонился ниже. Если пробита голова, вряд ли выживет. Он протянул руку и запустил пальцы в мех за острым ухом, ощупывая кость. Лис тут же распахнул глаза и вперил в него мутный плывущий взгляд. Кром замешкался от неожиданности, а Лис вдруг злобно оскалился. Одним молниеносным движением он извернулся и сомкнул клыки на его запястье. Несильно, подумал замерший Кром. Не до крови. Лис косил карим глазом, шумно дышал, но не сжимал челюсти. И ничего не стоило схватить его за горло, стиснуть, заставить выпустить руку — подумаешь, пара царапин останется, но он откуда-то знал, что нельзя этого делать. В глазах

лиса было что-то *иное*(11). Страшное. А ещё — осознание другой, запредельной силы. Из-под шапки на лоб сбежала капля холодного пота, а Кром всё не мог шелохнуться под тяжёлым тёмным взглядом. А потом всё прошло. Лис разжал челюсти, вздохнул почти по-человечьи и зарылся мордой в снег. В глазах — обычных глазах лесного зверя — слезой собралась боль. Кром вытер лоб, растерянно глядя на него. И что теперь? На поводу Лис идти не сможет. Стянуть лапы и морду да понести на плече? Сюда шёл три дня, обратно все пять придётся. Но делать нечего. Он спустил на снег заплечный мешок и достал из него моток верёвки и нож. Блеск лезвия отразился в прикрытых глазах Лиса. Он дёрнулся, словно пытаясь отползти, а потом...

По телу зверя прошла мучительная судорога. Он забился, расшвыривая снег, глухо заскулил и выгнулся дугой. Шерсть вздыбилась и начала отступать, словно втягиваясь в кожу. Он бешено замотал головой. Лапы прочертили борозды по снегу, сжали в горсти и... Да и не лапы это вовсе, а руки. У ног Крома лежал нагой человек. Парень. Тощий, бледный, с отметиной запёкшейся крови на распухом бедре. Кром выронил нож.

Оборотень! Вот тебе и бабушкины басни...

Парень в последний раз вздрогнул и обмяк. С искусанных губ сорвался тихий короткий стон, он повернул голову и глянул на Крома. А потом глаза закатились. Тот тоже зажмурился. Что делать с ним? С этим? Он судорожно припоминал, всё, что слышал про оборотней: огромные, жадные до крови, злобные... Кром открыл глаза. Снег ложился на раскинувшееся тело и не таял. Нечисть? Зверь? Но сейчас-то человек. Такой же, как он. Не убивать же. Решившись, он отшвырнул верёвку, подошёл к парню, опустился рядом. Забот теперь было хоть отбавляй, и он отбросил все мысли о нечисти, а вместе с ними и страх. Запасной одежды нет; если они пойдут обратно, парень замёрзнет. Но куда-то же он бежал. Кром взял его за широкие костистые плечи и встряхнул несколько раз:

— Эй! Куда ты шёл?

Веки медленно приподнялись; парень бездумно уставился в ответ.

— Куда. Ты. Шёл? — отдельно повторил Кром. Тот моргнул и перевёл взгляд на кряж.

— Наверх?

Губы беззвучно шевельнулись. Парень поморщился, неловко вытянул исцарапанную руку и ткнул в сторону кряжа. Кром проследил взглядом: он указывал на отвесную стену.

— Куда? — повторил он. Но парень опять забылся. Бредит? Но делать нечего, надо проверить. Может, пещера какая найдётся.

Снег валил всё гуще. Кром тащил на себе лыжи, мешок, да ещё и парня впридачу. Тот кое-как перебирал ногами, не открывая глаз, вис на нём. Чем ближе они подходили к кряжу, тем тоскливее делалось на душе. Нет там ничего. Даже тропок нет, чтобы наверх взойти. Слева голый склон, справа Нерядь. Разве что в прорубь кинуться. Они подошли совсем близко. Метель разгулялась, перед глазами было белым-бело. Кром решил развести костёр у подножия кряжа. Там, должно быть, нападали какие-нибудь ветки, а каменная стена, как он приметил, вдавалась вглубь — хоть от ветра чуток прикроет. Он потащил парня вперёд, стараясь не думать о том, что при таком ветре костёр сразу же затухнет. И тут его уха коснулся звук. Чуждый здесь и такой знакомый. Он встал, как вкопанный, прислушиваясь. Ветер морочит? Нет, вот опять. Он половчее перехватил свою раненую ношу и пошёл туда, где ему чудился звук. Стена кряжа делал поворот, за которым, по виду был обрыв. Он усадил парня прямо в

снег и, увязая в наметённых сугробах, пролез дальше. Не обрыв — за поворотом пряталась полоса высокого берега; а подальше, под защитой нависшего каменного склона, стояла изба. Открытая дверь скрипела и хлопала на ветру. Кром улыбнулся, моргая от жалящего снега. Не услышал бы — не заметил. «Знать, не время мне помирать».

Нам.

Спohватившись, он вернулся за...

Лисом? Человеком?

...за раненым. Того уже заметал снег. Кром принял его на спину и так, пошатываясь, ввалился в сени. Притворил дверь, повернул деревянный вертушок. Сени привели в большую комнату. Печь, стол, полог, за пологом наверняка кровать. Туда его? Нет, лучше на широкую лавку под окном, там света больше.

Бабушка Крома по отцу была почитаемой в Полесье знахаркой и травницей. Она много ведала, пыталась учить его, но Кром не перепало лекарского дара. Кое-что он умел, себя лечил сам, но его снадобьям было далеко до тех, что варила бабушка. В последний год жизни она наготовила ему мазей и отваров про запас, как чуяла. Кром берёт их, без крайней нужды не брал, но... Он глянул на парня. Тот по-прежнему был в беспамятстве, но иногда вздрагивал и перебирал ногами, точно бежал куда-то. Рана на бедре выглядела скверно. Кром вздохнул. Если уж не убил, так надо вылечить.

В избе было студёно — вода в вёдрах подёрнулась ледком. Кром сломал его, зачерпнул воды и обмыл руки. Из мешка достал несколько завёрнутых в бересту склянок и чистую тряпицу — всегда с собой носил, мало ли что на охоте приключится. Он перевернул парня набок и осмотрел рану. Наконечник был там: рана почти закрылась, плоть вокруг вздулась и нехорошо покраснела. Кром, прижал парня к лавке и быстро чиркнул по опухоли приготовленным ножом. Тонкая кожица распалась, он надавил на края. Раненый вздрогнул, попытался вырваться, но Кром удержал. Из раны лез гной вперемешку с рыжей шерстью. Он вытянул наконечник, отложил его на подоконник — пригодится, а сам продолжал выдавливать дрянь. Гной сменился сукровицей, потом пошла чистая кровь. Кром закрыл разрез куском тряпицы, смоченным в ледяной воде. Парень так и не пришёл в себя. Видать, гоже он его томаром угостил. Выждав немного, Кром с великой осторожностью смазал края раны «злым» снадобьем — оно убивало заразу, замотал тканью. Теперь надо напоить «добрым» отваром, который очистит кровь и прогонит трясовицу(13). Он влил три капли в ковш с водой, размешал и поднёс к губам парня. Тот фыркнул, закашлялся, разбрызгивая воду. Кром осерчал. Тратит на него бабкин последний дар, а тот ещё и плюётся! Он накрепко зажал парню нос и заставил проглотить снадобье. Всё, больше он ничем помочь не может. Разве что печь протопить? Но тут тело напомнило о трёхдневном гоне по зимнему лесу, и Кром понял, что силы его иссякли. Он пошарил по кровати, нашёл овчинное одеяло и, укрыв первым долгом раненого, прилёг рядом и в ту же секунду уснул.

(1) — 2е февраля

(2) — пушнина

(3) — скоблить тупым ножом

(4) — стрела с узким наконечником

(5) — 1145 м.

(6) — здесь: азарт

(7) — басню раньше называли вымышленную историю, то, что мы сейчас зовём сказкой

(8) — проныра, пройдоха

(9) — расстояние, с которого можно достать стрелой

(10) — стрела с тупым наконечником или без него; ими били пушных зверей, чтобы не портить шкурку

(11) — здесь: иное

(12) — Трясовицы или Лихоманки — это злые демоны болезни в облике женщин-сестер; здесь: заражение, лихорадка

Глава 4

Проснулся Кром от непривычного ощущения жаркой тяжести, навалившейся сбоку. Он поморгал, сгоняя сонливость, а потом вспомнил всё и живо обернулся. Раненый спал. Дыхание шумно слетало с пересохших губ, скулы алели неровным румянцем. Нехорошо. Кром сел на лавке, соображая, что сделать в первую очередь. Снаружи завывал ветер, снежная крупа шелестела по стенам избы. Кром нагнулся к окошку, силясь разглядеть что-нибудь сквозь мутноватую слюду. Похоже, сивобородый Сечень разыгрался не на шутку, теперь метелям не будет конца. Как по лютому снеговоею домой-то добираться? Взгляд вернулся к раненому. Ладно, сперва надо этого долечить, а там поглядим. В избе было так холодно, что стена у двери уже начала серебриться инеем. Кром поплотнее закутал спящего парня и поднялся. Первым делом — протопить печь.

В прилубе(1) нашлись дрова и береста для растопки. Кром, поразмыслив, поклонился печи и домовому, живущему под ней, молчаливо испросив разрешения похозяйничать в чужом доме. Домовой никак не ответил, но дрова в печи не задымили, не погасли, а занялись быстрым жарким пламенем — стало быть, принял заботу нечаянного гостя. Поставив на место заслонку(2), Кром решил осмотреться как следует.

Поначалу он решил, что попал в зимовку — избёнку, срубленную когда-то неведомым охотником, которая рада принять под кров всякого захожего человека, но не имеет одного хозяина. В зимовках оставляли запас дров (ежели истопил припас, готовь новый для того, кто придёт после тебя), воду, солому для постели. Но эта изба не казалась проходным местом. Всё было уряжено по чтимым от века домовым правилам, даже печь — не коптящий очажок, а настоящая белёная государыня, хоть сейчас пеки пироги для большой семьи. Вот только едва ли тут пёкли. На маленьком столе громоздились немытые горшки и миски, на полу была рассыпана зола, мелкие опилки и всякий сор. Кром ещё мог понять, почему прилуб не отгорожен и не скрыт завесой, — у них с отцом, у двоих мужиков, было так же. Но разводить перед челом печи непотребную грязь? Что же за человек тут живёт? Или не человек вовсе... Он глянул в сторону лавки. Лис явно шёл сюда. Но один ли он тут? А то вдруг стемнеет да и нагрянут родственнички, волки или медведи. Вот уж впрямь, словно в страшную басню попал. Но баснь или нет, а изба настоящая. И грязь в ней — тоже. Недолго думая, Кром взял пару самых больших горшков и вышел наружу. Ветер мало не сбивал с ног, и он опять подумал, что нипочём бы ему не выжить, если б не Лис и не его жилище. Что ж, тогда тем более надо им послужить.

Он наполнил горшки снегом и поставил на шесток(3), а сам принялся рыться в поставце(4). Нашёл крупу, немного луковок, мёд и топлёное сало. Всё заботливо разложено по горшочкам и закрыто тяжёлыми крышками, чтоб не добралась ни сырость, ни прожорливые мыши. На стене висели пучки травок, красиво перевязанные цветными тесёмками. Чудно. Как будто женская рука чувствуется. Может, всё-таки есть у Лиса не только дом, но и Лисица? Не попала ли она какому удачливому охотнику? Кром вдруг подумал: убей он его, остался бы Лис в рыжей шкурке? Или перед ним бы умирал худой замученный парень со стрелой в боку? Он тряхнул головой, отгоняя тёмные мысли. Такой судьбы своим стрелам ни один охотник не пожелает, нечисть там или нет. Он не желал.

От печи веяло добрым жаром. Снег в горшках давно обратился в воду. Кром принёс из клетки(5) долблёное корыто, а мелкий речной песок найдётся у всякого, даже самого нерадивого хозяина. Он перемыл посуду, смёл сор с пола. Невеликая работа утомила, и только тогда Кром вспомнил, что без малого три дня шёл почти не евши. Да и Лису, надо думать, никто куропаток не подносил. Сварить хоть каши какой.

Он как раз ставил горшок в печь, когда за спиной раздался шорох. Парень, поднявшись на локте, вертел головой и ошалело хлопал глазами. Вот он нашёл Крома взглядом и замер.

— Есть хочешь? — тот от неожиданности сказал первое, что пришло на ум. Парень не ответил, лишь смотрел, не мигая. — Меня Кромгалом звать, Кромом, — попробовал он ещё раз. Ничего. Э, да разумеет ли он речь? Может, только с виду человек, а внутри так зверем и остался?

Тем временем «зверь» поднялся с лавки и шагнул, нетвёрдо ставя ноги.

— Куда собрался?

Нет ответа. Парень стянул с печи льняную рубаху, накинул; вздел на ноги растоптанные поршни(6) и толкнул дверь. Та не поддавалась, но он ткнулся ещё раз. «В задок(7) идёт», — догадался Кром. Упадёт ведь. Он отставил ухват и шагнул ближе.

— Давай подсоблю.

Парень обернулся и сверкнул на него глазами, да так, что стало ясно: в этом деле ему помощники не нужны. Добро же. Кром стоял, ожидая, что вот-вот из сеней раздастся звук упавшего тела. Но нет, сдюжил: вернулся, пошатываясь и подволакивая уязвлённую ногу, кое-как добрёл до лавки и рухнул прямо поверх одеяла. Кром покачал головой и, запоздало сообразив, что разум в парне всё-таки человеческий, безбоязненно склонился над ним. Взгляд у того снова помутнел, щёки рдели ярче. Нет, есть он сейчас не станет, да и не надо: тело должно перебороть, пережечь болезнь, пища только помешает. Кром вспомнил про пучки пахучих трав. Вроде бы среди них топорщились знакомые корешки.

Девятисил бабушка-травница почитала средством от любой телесной немощи. Кром измельчил корешок, настоял на кипятке, добавил брусницу, ромашку, земляничный лист и ложку мёду. Когда питьё чуть остыло, попытался растолкать раненого. Тот отворачивался, но глаз не открывал. Тогда он подsunул ладонь под безвольную голову и, придерживая за затылок, понемногу выпоил отвар. Парня моментально прошиб пот. Кром уже привычно укутал его.

За окном по-прежнему мело. Он засветил лучину и принялся разбирать свои вещи, прислушиваясь к вою метели. В такую непогоду кажется, что бледное зимнее солнце никогда не проснётся, что на землю пала вечная ночь. Нечистая сила зато ликует. Он опять покосился на спящего. Подумалось: а если оборотни всегда по ночам перекидываются, что тогда? И тут же одёрнул себя — видел, чай, и лисом его, да не забоялся. Лучина потрескивала, угли в печи

тихо вздыхали, рассыпались горячей золой; под шестком шуршал домовый — радовался печному теплу. Почти как дома. Только дома никто не сопел под овчиной. Кром добыл из мешка снадобья, последнюю чистую тряпицу и подошёл к лавке.

На этот раз добудился почти сразу. Парень открыл глаза и, увидав его, прынул назад.

— Тихо, тихо, — Кром придержал его и нечаянно задел больное бедро. Раненый дёрнулся, но вырваться уже не стал. Мутный взгляд прояснился. Вспомнил.

— Подымись, — попросил Кром и пояснил: — Рану посмотрю.

Тот встал, выпрямился и судорожно вцепился в одеяло. Рубашку, видать, сбросил в беспомощности, спасаясь от жаркой испарины, и теперь пытался прикрыться сползающей овчиной. Кром поднял брови: чего стесняется, в бане, что ли, никогда не был? А может, и не был... Ну да не одевать же его. Кром, уважая чужую стыдливость, не глядя повернул его больным боком к себе и размотал повязку. Рана чуть стянулась, но краснота не ушла. Больше её стало, меньше? Кром подтолкнул парня поближе к лучине. Нет, не понять. Он склонился ниже и небрежливо принялся. Телесной гнилью вроде не тянет. Тело под ладонями стало как деревянное; Кром поднял глаза.

— Больно?

Но парень мотнул головой; в его взгляде звериная настороженность мешалась с удивлением. Может, и не лечился никогда? Недосуг разбираться, что там у него на уме. Кром осторожно ощупал плоть вокруг раны, прикидывая, не наростёт ли в ней дикое мясо(8). Но его руки ладили с охотничьим ремеслом, а вот бабкиной лекарской чуткости в пальцах не было. Так и не поняв, чего ждать, он потянулся за снадобьем. Предупредил:

— Не дёргайся.

Кивок. Может, вовсе немой, подумал Кром. И на что бы лучше: немой да молчун, два сапога пара. Его смешок прозвучал неожиданно громко; парень вздрогнул, и смоченная в жгучей настойке тряпочка прошла прямо по живому мясу. Он резко выдохнул, отшатнулся; упал бы, да Кром подхватил и утвердил на ногах. Отчего-то вспомнилось, как бабушка ему, маленькому, заговаривала боль, но он призывать на подмогу добрых кошку да собаку, понятное дело, не стал. Просто держал парня, мимодумно поглаживая по бёдру. Да, лекарь из него никудышный. Когда раненый задышал ровнее, Кром споро(9) замотал рану, проверил, не туго ли, и велел:

— Ложись.

Он растворил в ковше целых четыре капли снадобья — не повредит, и поднёс питьё парню. Тот принял всё с тем же молчаливым послушанием. Кром пошёл ополоснуть опустевший ковшик и чуть не выронил его, когда за спиной раздалось тихое:

— Чем поишь?

Он обернулся. Почудилось? Но парень, извернувшись на лавке, смотрел прямо на него.

— В нутре с этой дрянью так и жгёт.

«Сам ты дрянью», — хотел сказать Кром, но промолчал, удивлённый внезапными словами. Голос «немого» звучал хрипло и отрывисто, будто он нечасто им пользовался. Да так оно, наверно, и было. А всё же говор какой-то неместный... Но об этом лучше подумать после.

— В нутре? А может, в жилах? — Парень, подумав, кивнул. — Так и надо. Кровь чистит, чтоб трясовица не пристала, — он обратил раскрытую ладонь к печи в отвращающем зло жесте. Известно ведь, всякая нечисть стремится туда, где упомянут её имя, а трясовица тёмный дух и есть. Парень проследил за его рукой и, успокоенный, опустил на свёрнутую рогожу, заменявшую подушку.

— Ты поспи, — посоветовал Кром. — Во сне скорее пройдёт.

Парень смежил веки, а он продолжил хлопотать возле печи. Через малое время с лавки раздалось:

— Ригель.

— А?

— Моё имя. Ригель. Риг.

Кром кивнул, хотя тот и не мог его видеть. Вот и познакомились. Но что это за имя такое?(10) Никогда подобного не слышал.

— Ты откуда?

Но ответом было сонное дыхание.

Кром повечерял жидкой кашей, заправленной салом, походил по избе. Он искал резу(11), на которой ведут счёт прошедшим дням года, но её не было. Подумал: эдак можно совсем потеряться — не зная даже, какой месяц хозяйничает на дворе, не помня, чем нужно чтить нынешний день. Как это, жить, пропуская время, точно воду сквозь пальцы? Кром бы не смог. В конце концов он сделал зарубку прямо на дверном косяке — длинную, потому что как раз миновала первая седмица Сеченя. Так-то оно лучше.

Лучина догорала, мягко роняя в нарочно подставленную миску хлопья пепла. Кром отдернул тяжёлый полог и осмотрел кровать. Тюфяк, набитый душистым сеном, ещё одно меховое одеяло — волчье, пара маленьких пуховых подушек. Нашлись даже небелёные простыни, которые почему-то никто не расстелил. Похоже, кроватью пренебрегали, так же, как неухоженной избой. Он глянул на спящего па... Ригеля и покачал головой. В лесу, что ли, живёт? Непутёвый. Но вслух осуждать не стал, просто разобрал постель и, решив не будить, подхватил его на руки. Тонкокостный худощавый Ригель оказался неожиданно тяжёлым. Тяжёлым и горячим. Кром осторожно опустил его на кровать, пощупал лоб. Если до жар утра не уймётся... Ну да ладно, утром и будем думать.

Он улёгся на нагретую лавку, прикрывшись охотничьим тулупом. Он меха пахло дымом костра и морозной хвоей, и Кром на миг показалось, что он остался в стлом лесу, объятый вечным зимним сном. Он передвинулся, чтобы спиной ощущать бревенчатую стену, и только тогда заснул.

* * *

Под утро печь совсем остыла, стена стала холодной, не позволила залежаться под тулупом. Кром умывался, когда за пологом зашуршало, и явился сонный Ригель, одетый в штаны и рубаху.

— Чего вскочил? — буркнул Кром, рукавом стирая с лица воду.

— А чего лежать-то? — тот прошёлся по избе, и Кром заметил, что ногу он бережёт уже меньше. А Ригель порылся на печном ложе, выудил из наваленных кучей тряпок простенький нерасшитый утиральник и бросил Кром. Тот поймал, ощупывая Ригеля взглядом. Бледный, но это лучше, чем яркий горячечный румянец. Одежда висит, исхудал. Взгляд спустился ниже, остановился на узких босых ступнях.

— Носки ещё себе найди.

Тот открыл рот, словно собираясь возразить, но потом передумал и добыл из той же кучи толстые шерстяные носки. Кром кивнул.

— Скоро завтракать будем.

Ригель от еды отказался. Кром не стал неволить, лишь добавил ему в кружку три ложки мёду вместо одной. Они сидели молча: Ригель прихлёбывал жгуче-сладкий отвар девясила, а Кром дожёвывал остатки своих сухарей, думая, что за последние пять лет совсем отвык не то что жить с кем-то, но даже и есть за одним столом. Вот ведь: привелось, когда не ждал.

За окном опять пела вьюга. Кром не сиделось без дела, он продолжил уборку. Хотел было спросить у Ригеля разрешения, но передумал: если тот до сих пор ничего не сказал, значит, не обижен тем, как хозяйствует в доме гость. Так он и возился весь день: вымел из сеней и клетки небольшие сугробы — сквозь открытую дверь нанесло, согрел воды, постирал повязки, сварил каши. На этот раз Ригель поел с ним, хотя и неохотно. Он весь день просидел на лавке у окна, но казался изнурённым. Кром знал, что так бывает, когда отступает болезнь. Превозмогшее её тело поддаётся слабости, хочет отдохнуть. И действительно: когда он размотал повязку, то красноты вокруг раны не нашёл, о чём и сказал Ригелю. Но тот, видно, не понял, что это значит, и спросил лишь:

— А горечью больше не будешь поить?

— Ещё только один раз, — пообещал Кром, очень довольный тем, что удалось отогнать болезнь. Бабушка бы порадовалась.

Как стемнело, он уселся поближе к светцу ладить новое древко для стрелы — благо, подходящая дощечка на такой случай у него в мешке имелась. Он расколол её топориком на три части, выбрал одну полоску и принялся состругивать лишнее острым ножом. Тонкие щепки слетали с лезвия, он складывал их в кучку, чтобы не сорить. Немного оживший под вечер Ригель наблюдал за работой. Никто не любит, когда «смотрят под руку», — от праздного взгляда пальцы могут дрогнуть, испортить поделку. Но Кром его интерес ни капли не мешал. Верно, потому, что древко он мог сделать даже с закрытыми глазами. Вот кусок дощечки изрядно сузился; Кром отложил нож и взялся за костяной струг(12).

— Дай я, — сказал вдруг Ригель, придвигаясь поближе. — Можно?

Кром помедлил. Всё же не дело это — позволять чужому ладить стрелу для своего тула. А потом подумал: ну и ладно, испортит, так ведь есть ещё дерево, хватит на новую. И протянул ему струг и недоделанное древко.

Ригель выглаживал тело будущей стрелы медленно и кропотливо. Эта осторожная повадка рассказала Кром, что он уже учился этому мастерству. Когда-то давно. Теперь тонкие пальцы вспоминали былую науку, но до сноровки им было ещё далеко. И всё же работал Ригель с удовольствием, поворачивая древко то так, то эдак, снимая стругом невесомые зазубрины. Теперь уже Кром разглядывал его. Он ещё вчера присмотрелся к цвету кожи Ригеля. Подобная

золотистая смуглота не встречалась у жителей местных весей. Да и волосы такого яркого, густо-медного оттенка — тоже. Он не отращивал их, неровно остриженные пряди мели по высоким скулам, не достигая даже подбородка. Чудно. Ни в одном из известных Кромю поселений взрослый мужчина не стал бы стричь волосы, ведь именно в них собирается жизненная, данная богами сила. Он потрогал свою густую гриву, прибранную, как надлежит, в хвост на затылке. Но Ригелю лезущие в лицо волосы не мешали. Он мотнул головой, отбрасывая пряди со лба, сдул с древка деревянную пыль и протянул ему:

— Хорошо?

Кромю хватило беглого взгляда, чтобы понять: посередке снято чуть больше, чем нужно, на концах надо подточить. Но он вспомнил, как бережно Ригель водил стругом, и кивнул:

— Хорошо.

Сквозняк поколебал лучинное пламя, по бревенчатым стенам заволокло метнулись тени, и Кромю почудилось, что на лице Ригеля промелькнула улыбка. А когда сквозняк унялся, то уже точно увидел: тёмно-карие зрачки поймали жёлтый огонёк лучины. Глаза у Ригеля тоже были нездешние — не раскосые, но как будто чуть приподнятые к вискам. А заметил он всё это потому, что они так и сидели, сомкнув пальцы на выструганном древке, и глядели друг на друга в упор. Кром уже хотел спросить, откуда же он тут взялся, но Ригель опередил:

— Ты с Полесья?

— С Полесья. А ты?

— А я вот... — уклончивый ответ сопровождался взмахом руки — сам, мол, видишь.

«Ну не от сырости же ты тут завёлся», — хотел было сказать Кром, но Ригель зевнул, и он, спохватившись, прогнал его спать. Тот, к вящему удивлению, сам напомнил про нелюбимое снадобье. На этот раз Кром растворил в воде всего две капли. Ригель pokrивился, но выпил. Потом вытащил из-за полога волчье одеяло, кинул ему на лавку.

— А ты?

— Да что мне, одного не хватит? — Ригель вновь зевнул и нырнул за завесу, пробормотав пожелание светлых снов. Кром ответил тем же и загасил лучину.

Меховое одеяло обняло невесомым жаром и мгновенно увлекло Крома в сладкий, но тревожный сон. Ему привиделись огоньки, отражённые звериными зрачками, и они сверкали совсем близко — может, из-за полога, а он почему-то не боялся.

(1) — место от чела (передней части) печи до стены; отгораживалось от избы и считалось «женским» местом, мужчины туда старались не заходить

(2) — по логике вещей тут должна фигурировать топящаяся «по-чёрному» каменка, но по моему велению пусть будет традиционная русская «белая» печь

(3) — участок перед устьем (входным отверстием) печи

(4) — пара столбов и открытые полки между ними

(5) — неотапливаемый пристрой

- (6) — мягкие кожаные сапоги на завязках
- (7) — туалет, примыкающий к дому
- (8) — «грануляционная ткань» по-научному
- (9) — здесь: быстро и аккуратно
- (10) — имя персонажу дал бело-голубой гигант из созвездия Ориона
- (11) — календарная доска, дни обозначались зарубками на ней
- (12)-здесь: скребок

Глава 5

Кром решил испечь хлеб. Без него еда не еда, да и сухари из дорожного припаса вышли. Ещё с вечера он смешал в горшочке воду, муку, соль, немного мёда и поставил на шесток, в тепло. К утру получилась закваска — не такая, как на сыворотке, но сгодится. По мнению Крома, хлеб ему не удавался. Он бы предпочёл выделать десяток шкурок или полдня промёрзнуть на охоте, чем возиться с тестом. И вроде месил так, как ни одна хозяйка не сумеет, а всё одно хлеб выходил съедобным, но не более. Видать, тесто любит ласковые женские руки, а не деревянно-твёрдые лапищи, как у него. Вот у Ригеля, может, получилось бы, думал Кром, наблюдая, как тот вертит в тонких пальцах лучинную щепку.

Ригель с утра не отходил от него. Смотрел, спрашивал, что он делает и зачем. Кром отвечал, не жалко. Тот слушал внимательно, иногда кивал, глядя мимо, словно припоминал что-то давно забытое. Было странно пояснять простые, известные каждому вещи, но Кром не успевал поразмыслить над этим — Ригель спрашивал вкругорядь, и становилось ясно, что молчун в избе только один. Голос Ригеля больше не сбивался, не скрипел несмазанной дверью, а лился свободно, и Кром слышалась в нём тень нездешней напевности. По давней привычке он попытался вообразить его говор, увидеть внутренним оком. Получился ручей, бойко скачущий по каменистому руслу, вихрящийся в крошечных водоворотах там, где Ригель играл голосом, выговаривая-выпевая слова. Чудно.

Хлебы поспели и получились такими, как и всегда, клейкими и непышными. Кром неохотно пожевал корочку. Ригель умял полковриги с крупной солью и похвалил.

К полудню распогодилось, неяркие лучи разогнали серую хмарь, сквозь прорехи туч проглянуло бледно-голубое небо. Кром вспомнил, что избу завалило почти по окна, эдак скоро и за дровами не выйдешь. Он накинул тулуп.

— Лопата есть?

Дорогу к поленнице прочистил быстро и решил покидать снег от востока. С одной стороны избу надёжно укрывал скальный навес, но с реки задувало. Кром опять подивился, какое укромное место получилось у самых стоп кряжа — ни за что бы не нашёл избу, если б не скрипучая дверь. Он вспомнил, как пробирался сквозь пургу с Ригелем на плечах, как увязал в снегу,

захлёбывался колючим ветром...

На скрип двери он вздрогнул и обернулся. Вышедший Ригель с удовольствием принюхивался к ветру. Кром нахмурился.

— Погодил бы ногу-то трудить.

Тот беспечно отмахнулся, натягивая рукавицы.

— На мне быстро заживает.

Он шагнул раз, другой и вдруг... Кром даже моргнул от неожиданности: одним быстрым, но плавным движением Ригель вскочил, нет, даже втёк на гребень накиданного по краю дорожки сугроба. Нарочито медленно прошёлся, проваливаясь лишь чуть, а потом раскинул руки и рассмеялся чему-то. Кром только головой покачал. Скользит, словно под ногами не рыхлый снег, а крепкий наст. Как так? Весу в нём изрядно, уж Кром знал. А Ригель обернулся и весело позвал:

— Иди сюда!

Тот помотал головой — ещё чего. Может, Ригель и умеет скакать по сугробам легколапым лисом, но он-то без лыж увязнет, точно медведь. Он отвернулся и продолжил махать лопатой. Ригель так и брёл рядом по сугробу, еле слышно шелестя кожаными поршнями. Неподалёку из-под снега торчала тонкая рябинка, усыпанная ягодами. Возле неё он приостановился. Кром улыбнулся — вспомнил, как Лис тряс рябину в Полесье. Хотел спросить: пальцами-то, мол, сподручней? Но промолчал.

Дорожка вдоль склона была расчищена уже наполовину, когда что-то стукнуло его в макушку. Кром вскинулся, похлопал по шапке. Ничего. Он взялся за лопату, и опять — словно птичка клюнула. Да что такое? Он повертел головой, ничего не увидел. С кряжа, что ли, камешки сыплются? Только Кром отвёл глаза, как тюкнуло вновь, за ворот попало что-то неприятно холодное. Он выронил лопату, завертелся и добыл из-за пазухи рябиновую ягоду. Обернулся к Ригелю и проворчал:

— Делать нечего?

— А? — тот поднял невинный взгляд. Кром покачал головой — чисто дитё малое! — и отвернулся. Тут же по голове и плечам дробно рассыпалась целая горсть подмёрзших ягод. Кром отбросил лопату.

— Ну, держись!

Ригель отпрыгнул, но подвела раненая нога: он покачнулся, неловко взмахнул руками и,

хохоча, ушёл в сугроб по пояс.

Кром с немалым удовольствием закидал его снегом.

* * *

В избе он первым делом заставил Ригеля переодеться в сухое. Хотел было дать снадобья, но тот отказался наотрез, а за обедом заявил:

— Надоела каша. Завтра зайца добуду.

Кром удивился: никаких охотничьих справ он тут не видел. Хотел было спросить, но потом сообразил, как настороженно глядящий на него Ригель собрался охотиться, и сказал только:

— Натащишь грязи в рану.

Тот фыркнул, наморщил нос:

— Небось не натащу! Говорю же, зажило всё.

Всё не всё, а и впрямь рана почти заросла. Кром вертел его и так и эдак, удивлённый. До завтра закроется. Ещё одно диво. На всякий случай он протёр неплотный рубец снадобьем — Ригель поморщился, но вырываться не стал, лишь улыбнулся на кромово "Иди за своим зайцем. Завтра".

Снаружи было тихо. Кром сложил в мешок снадобья и призадумался. По всему выходило, здесь ему более оставаться незачем.

— Буду собираться, завтра вместе выйдем.

— В Полесье? — Ригель склонил голову на плечо. — Далекое. Попадёшь в метель, заплутаешь.

Кром нерешительно глянул в окно. Закат пробивался из-под тяжёлых туч красным отблеском — к ветру.

— Или ждёт кто?

Разве нетопленная изба.

— Нет. Никто не ждёт.

— Вот и оставайся покуда.

— А ты... — Кром помедлил. — Ты один?

— Я всегда один, — Ригель невесело усмехнулся и сел у окна, вглядываясь в зыбкие сумерки. Его рука мимодумно поглаживала уязвлённое бедро. Кром посмотрел-посмотрел да и задвинул мешок в угол. Чего, в самом деле, торопиться. В Сечень далеко не уйдёшь, что ни день — то метель.

Без дела не сиделось, он взялся ладить стрелы из остатков прихваченного с собой дерева. Ригель всё так же сидел у окна, молча. А до того весь день щебетал, как дрозд. Несколько раз Кром чувал на себе взгляд, но поймать его ни разу не удалось. Ну и ладно. Он решил ни о чём не спрашивать, сидел и возился со стрелами. Ригель сам начал разговор.

— Почему ты меня не убил? — тихо спросил он.

Кром сначала решил, что ему почудилось, но на этот раз Ригель смотрел прямо, не отводя взгляда. Он отчего-то смутился и ляпнул:

— А что, надо было?

— Ты же охотник, — прищурился Ригель. — А я... добыча?

Кром не ответил. Не хватало ещё рассказать, как его занесло в погоне за подарком. Теперь, после всего это казалось тем, чем и было изначально, — блажью и несусветной дуростью. Правильно Стех тогда ругался. Замёрз бы тут, а по весне оттаял — вот бы был знатный подарочек. Кром молчал, но Ригель был настойчив.

— Зачем увязался за мной? Где я тебе дорогу перешёл? Почему сразу не застрелил?

Деваться от вопросов было некуда; мало-помалу Кром всё рассказал.

— В подарок? Меня???

— Ну... Кто ж знал.

Он думал, Ригель обидится. Кому понравится, что его хотели поймать и посадить на цепь? Но тот хлопнул себя по тощим коленкам и расхохотался во всё горло.

— А чего, веди, хорош будет красавице подарок! — кое-как выговорил он сквозь смех. — Ей как рыжие, по нраву, не знаешь? А батька строгий?

— Ригель...

— Только ошейник надо справить понарядней, и стану жених хоть куда! Не все же поцелуи тебе достанутся, авось и мне перепадёт!

— Ригель!

Но тот всё не унимался. Кром не выдержал, ушёл в прилуб. Ещё один острослов на его голову. Ригель неслышно подошёл сзади и подёргал за рукав.

— Будет тебе. Не сердчай за свою Варишу, я не со зла. Удивил ты меня. Опять.

"И чему тут дивиться", — подумал про себя Кром. А Ригель утянул его обратно, на лавку, и сел рядом.

— Я из Загорья, — сказал он вдруг, глядя в пол, и замолчал. Кром нащупал наполовину слаженное древко — ему показалось, Ригелю будет легче, если он не будет смотреть на него. И точно: под мерный шорох струга тот продолжил рассказ, спокойно и буднично.

— Как-то на Перевале я нашёл подышающего лиса. Он совсем старый был, чуть дышал. А я хоть и большой дурень, десять годков, пожалел его, сунулся погладить. Он и куснул меня, до крови, и тогда уж издох.

Кром как вживе увидел десятилетнего мальчишку, склонившегося над дрожащим в предсмертной судороге лисом. Погладил, ничего не скажешь.

— Через месяц первый раз перекинулся. Дома. Как, сам не понял. Отец, — голос Ригеля дрогнул, — испугался, чуть не прибил.

— Да как же? — не сдержался Кром.

Ригель грустно улыбнулся.

— А чего, нечисть ведь. Мать удержала.

Ну да. Какая мать не заступится за своё дитя. Пусть даже это дитя на её глазах стало... зверем?

— И как ты?

Ригель пожал плечами.

— Да как, со страху обратно перекинулся. Припомнил про лиса, рассказал. Ничего, стали жить. Я же могу и так, человеком. Уходил иногда в чащу побегать, хватало. Но как-то раз перекинулся на глазах у соседа.

— Что так?

Ригель скривился и не без смущения пояснил:

— Куры. Я тогда плохо себя держать умел, даром, что уже два года был... таким. Ну, и опростоволосился. Соседа тогда кое-как утишили — почудилось, мол, бражки перепил. Но толки по селу пошли, ведун стал косо поглядывать. Так ещё год промаялись, а потом отец свёл меня сюда. Жить.

Кром не знал, что и сказать. Как можно исторгнуть из-под крова собственного сына? Ведь не сделал же он ничего дурного. И тут — оторвали от семьи, оставили одного. Мыслимое ли дело?

Ригель будто угадал его мысли.

— У меня меньшей брат есть. Тогда ему только пять годков было. Отец боялся, что я могу его... ну. Обидеть. Да и что случилось бы, если б кто-то узнал про меня? Он всё правильно, по уму сделал.

По уму, конечно. То-то ты сейчас побледнел весь, как снятое молоко, подумал Кром, но спорить не стал. Известно ведь: судить идущего рядом легко лишь до тех пор, пока не понесёшь его ношу. Узнай кто про сына-оборотня, всей семье бы не поздоровилось. Может, он и сам бы так поступил. Может, и нет...

Наступившая тишина вдруг показалась осязаемой, вязкой. Кром потрянул головой, отгоняя наваждение, и спросил — просто чтобы что-нибудь сказать:

— А что это за изба?

— Изба-то? — рассеянно переспросил Ригель. — Да наша, отцов отец построил. Он охотником был, ходил далеко, и в Полесье тоже. Вот и поставил. Место хорошее, у реки. Отец тоже тут охотился. Но с тех пор, как я здесь, больше не заходит. Матушка иногда навещает. А так один, видишь, хозяйничаю. Вот и весь сказ, — он улыбнулся, но как-то криво.

— И давно?

— Этим летом мне двадцать минуло, сочти сам.

Семь лет. Кром очень хорошо представлял, каково это — жить одному. Но отца не стало три

года назад, да и он-то в селе жил, с людьми. Должно, очень долгими показались Ригелю эти семь лет.

— А тебе сколько? — спросил вдруг тот.

— Чего? А. Двадцать пять.

— Зимой?

— Зимой. Как догадался?

— Ну, ты весь какой-то... — Ригель развел руками и улыбнулся — на этот раз почти весело, — зимний. Волос белый, глаза серые, молчишь всегда.

— Ничего не всегда, — пробурчал Кром, невольно улыбаясь в ответ. Придумает тоже. А Ригель, дурачась, ухватил его за руку.

— Ты хоть тёплый? А то, может, студёный, как сосулька?

Кром, смеясь, отмахнулся, но вид смуглых пальцев, сомкнувшихся на запястье, напомнил: вот Лис стиснул в пасти его руку, дышит рвано, глаза загнанные, но не кусает. Он поднял взгляд.

— Почему ты не укусил меня тогда?

— А что, надо было? — подначил Ригель. Он по-прежнему смеялся, но глаза были серьёзными.
— Пусти.

Кром обнаружил, что сам держит его за тонкое запястье. Он разжал пальцы и упрямо переспросил:

— Почему?

Ригель зябко передёрнул плечами.

— А за что?

"А он тебя за что?" — подумалось Кром. Он вспомнил, как сталь ножа бросила отблеск в зрачки Лиса. И всё равно, вместо того чтобы драться зверем, он перекинулся, оставив последние силы. Зачем?

— Я хотел умереть человеком, — тихо сказал Ригель, словно в ответ на его мысли. А потом поднялся и притворно зевнул. — Давай, что ли, спать.

Он скрылся за пологом, зашуршал одеждой. Кром убрал поделки, задул лучину и забрался под одеяло. Сон не шёл, в голове роились мысли. Он хорошо помнил свой страх, когда раненый Лис схватил его. Укуси он, и Вариша, может, посулила бы кому поцелуй уже за поимку белого чудо-лиса, которого в человечесьем обличье звали Кромгалом. На его счастье, Ригель не пожелал перекладывать проклятье на другого, хоть и думал, что его вот-вот убьют. Не сладко же ему оборотнем жилось, если даже врага пожалел. "Я хотел умереть человеком", так он сказал.

"Кто же ты, если не человек, — думалось Кром. — Вот тот, кто сделал оборотнем мальчишку-несмышлёныша, он зверь". На миг захотел сказать это вслух, но постеснялся.

Не умел он ладно говорить.

Глава 6

На следующий день Ригель не находил себе места. Он метался по избе, выходил в сени и бродил там, бормоча под нос. Одним словом — сухотился(1).

Невытерпёж, догадался Кром. Зимой честной люд отсиживается по избам да отращивает бока, отдыхая от дел, но Лиса разве удержишь под лавкой. Хочется, поди, глотнуть морозного воздуха, пробегать взапуски с быстрым зайцем. «А что ещё ему остаётся», — думал Кром, поглядывая на застывшего у окна Ригеля. Вся жизнь и есть — лес да изба. И никаких отметок об истекших днях.

Снаружи было тихо, но ветер изредка швырял снежной крупой в слюдяное окошко.

— Будет мести — не пушу, — сказал Кром.

Ригель вскинулся, тревожно взгляделся в его лицо, и тот не сдержал улыбку — испугался, надо ведь. Смешной. А Ригель, разгадав шутку, ответил пренебрежительно:

— Не пустил один такой...

И — тоже не сдержался, фыркнул.

Ближе к вечеру ветер стих. Кром ещё раз посмотрел раненое бедро, подивился на чистый рубец и даже немного позавидовал.

— На мне бы так заживало.

— Лучше не надо, — серьёзно сказал Ригель и нырнул за полог. Кром услышал шорох

сброшенной одежды, и спешно опустил глаза на нож, который взялся точить. Сейчас перекидываться будет. Может, в сени выйти? Или сам уйдёт? Кром уже хотел окликнуть и спросить, но тут нагой Ригель вышел из-за полога. Медленным скользящим шагом он подплыл ближе и замер, не сводя с Крома глаз. А у того внутри всё сжалось от древнего неизбывного ужаса перед запретным, инаким таинством, от нежелания видеть то, что Ригель вознамерился ему показать. Моментажно забылась и охота, и то, что Лиса он видел всяким и не собирался бояться. Из зверя в человека это ведь как от тьмы к свету, а вот наоборот... Но Ригель смотрел на него, и Кром тоже не опустил взгляд, даже кивнул — давай, мол. Кто бы знал, чего ему стоил этот кивок.

Ригель опустил голову, коротко вздохнул. По смуглому телу прошла крупная дрожь, оно выгнулось в мучительной судороге, и с губ слетел полувскрик-полустон — тихий, но сколько же в нём было боли! Кром не выдержал: вскочил, не зная ещё, что сделает в следующий миг. Ригель же упал на колени, согнулся, пряча лицо, съёжился, потемнел, и... всё закончилось. С пола поднялся красавец-лис. В избе он казался ещё больше, чем снаружи. Пугаясь в лапах, Лис сделал пару неверных шагов. Вид у него был ошалелый. Кром опять сел на лавку и отложил в сторону позабытый нож. Перед ним стоял зверь — лесной, опасный, но было что-то такое, что прогоняло страх. Теперь Кром смотрел уже с любопытством. А Лис повернулся к нему и уселся напротив, чинно обернув лапы пушистым хвостом. Кром хмыкнул. Лис лукаво склонил к плечу востроухую голову, будто спрашивая: ну чего, мол, потешаешься? Себя-то видал? Его глаза знакомо поймали тёплый отблеск лучины, и всё встало на свои места. Кром понял, почему нет страха. Глаза у Лиса были не тусклой звериной желтизны, а карие, с раскосинкой — ригелевы. И такие же встревоженные, выжидающие. Кром рассмеялся и похлопал по колену, словно приманивая ласкового пса. Лис фыркнул — тоже очень знакомо, но, на удивление, подошёл. А когда Кром потянулся потрепать его по ушам, строптиво вскинулся, и страшные клыки клацнули возле самых пальцев. Кром отшатнулся, но тут же сообразил, что Лис мог бы уже дважды перекусить ему руку, если б захотел. И точно: тот ухмылялся во всю пасть, вывалив ярко-алый язык. Лис понимал шутку.

— Дурень, — беззлобно проворчал Кром, опуская отведённую было руку. А Лис вдруг ткнулся в ладонь влажным носом и отскочил к двери; поскрёб её лапой, оглянулся — выпускай. Когда рыжий отблеск лисьей шубки канул в густые сумерки, Кром вернулся в тепло. Дверь в сенях оставил приоткрытой, чтобы Ригелю не пришлось шлёпать босиком по оледеневшим ступеням крыльца.

Нож с тихим шорохом скользил по точильному камню. Кром привычно водил рукой, вылаживал остроту, но мысли блуждали там, в зимнем лесу.

Должно, страх Ригеля был куда больше его собственного. Если уж родной отец чуть Лиса не прибил. Кром отвёл руку, разглядывая маслянисто поблёскивающее лезвие. И всё-таки он ему показался. Почему? И почему сам он, увидев мучения Ригеля, вскочил и чуть не кинулся к нему, чтобы поймать, обнять, утишить боль? Поразмыслив, Кром решил, что всякому лекарю непереносимо видеть страдания того, кого он однажды выходил. Да и бояться-то, если подумать, такого не след: сам же пользовал, хворь отгонял.

Нож вдруг вывернулся и чиркнул по большому пальцу. Кром лизнул солоноватый порез и вспомнил клыки Лиса, мало не поймавшие его руку, довольную ухмылку — напугал! Разум человеческий, тело звериное. Чего только не бывает. Понятно, как он все ловушки обходил. Ещё и

посмеивался, поди, про себя, курошуп рыжий. Да только от стрелы и трижды премудрому не дано уйти. Ладно, не след под вечер о худом думать. Ничего с ним в лесу не станется.

И всё же он невольно вслушивался в зимнюю глухую тишь, хотя и понимал, что ночью лисам самое раздолье и до утра Ригель, скорее всего, не явится. Закончив дела, Кром лёг на свою лавку, но сон шёл чуткий и увёртливый, словно танцующий лис. И когда за полночь скрипнула дверь, Кром сразу открыл глаза. Ригель бесшумно прошёл мимо него, обдав холодом, запахом леса и свежей крови. Кром приподнялся было, но тот махнул рукой — спи, и нырнул в прилуб. Там долго фыркал, плескался водой из приготовленного загодя ушата(2), потом немного пошуршал за пологом и затих. Тогда заснул и Кром.

* * *

Заяц был крупный, отменно жирный. Кром прикинул, как бы его половчее ободрать, взялся за нож, но сонный Ригель втёк в прилуб, оттеснил его от добытой тушки и сказал, что стряпать будет сам.

Ну, сам так сам. Кром пошёл раскидывать снег и провозился до полудня, пока Ригель не позвал обедать. В избе было натоплено, на столе поджидали два горшочка с замазанными тестом крышками.

— А это зачем? — удивился Кром.

— Увидишь.

Сняв плотно залепленную крышку, он понял, что Ригель знал, что делал. Из горшочка шёл густой пряный дух. Мясо истекало горячим соком и таяло во рту, вкус дичи мешался с ароматом лесных травок, которые Ригель уложил на дно горшков. Кром распознал только пёрышки дикого лука. Зато стало ясно, почему вся стена завешана пучками неизвестных трав. Он не удержался и спросил:

— Что ж ты до этого сам не стряпал?

— Да я только дичину и умею, — отмахнулся тот. — Вкусно?

Кром показал пустой горшок. Ригель довольно кивнул, посасывая косточку.

— Я двух нынче словил. Одно зарыл в снегу на опушке, надо забрать.

— Ну! Кто-нибудь спроворил(3) того зайца, не тебя же будут ждать.

— Я им спворю! — усмехнулся Ригель и добавил серьёзно: — Лесные звери меня обходят. Кроме лис, разве. Но и те к моей добыче даже в голодный год не сунутся.

Вон как. Ни с людьми, ни со зверями, значит, не получается ужиться. А Ригель продолжил:

— Если подольше лисом походить, то тогда не чураются(4), принимают за своего. Но я так не делаю.

— Почему?

— Забыть можно.

— Что?

— Да всё, — Ригель задумчиво повертел в руках ложку. — Когда долго не перекидываешься, то чудится, что человечья жизнь приснилась. Или что не с тобой всё было. И уже не можешь вспомнить, кто такой Ригель и отчего это имя слышится. В лисьей-то голове умишко маленький. Человечий разум там не поместится.

— И сколько ты... не забывая?

— Я пытал(5), — кивнул Ригель. — Седьмицу можно бегать, а там уже голову туманит. — Он помолчал. — Ты когда меня принёс сюда, я чего молчал-то... Боялся, сразу не слажу с людской молвью. Ты меня, небось, придушил бы тогда? — Он шутливо пихнул Крома локтем.

— Захоти я — сразу бы придушил, — смеясь, ответил тот. — А сколько ты тогда пробыл лисом?

— Шестой день шёл.

— Вовремя мы успели.

— Да уж, — Ригель соскочил со стула. — Липовый цвет заварил, будешь?

— Давай.

Кром всё улыбался. Очень непривычно было видеть его хлопочущим по хозяйству. Однако посуду Ригель доверил мыть ему, а сам сладко задремал на лавке. С сумерками поднялся, уже привычно прошлёпал голышом через всю избу в сени, и только его и видели. Пришёл на этот раз пораньше — Кром опять спал вполглаза и заметил.

* * *

Наутро, пока Ригель спал, Кром решил помыться. Ещё три дня назад он запарил золу в ведре, и как раз сегодня поспел щёлок(6). С утра выглянуло редкое в Сечень солнышко. Кром натопил

пожарче, чтоб не разводиться сырость, нагрел воды, поставил в прилуже большое корыто и принялся за мытьё.

Он как раз ополоснулся, когда из-за полога вышел Ригель. Вышел и встал как вкопанный. Кром, шурясь на солнце, намотал на кулак потемневшие от воды волосы (струйки побежали по руке) и пожелал доброго утра. Но Ригель не ответил. Он смерил его ошеломлённым взглядом, покраснел и вылетел вон из избы. Успел крикнуть:

— Тут, чтоб ты знал, баня есть!

— Ну прости, не... заметил, — грохот захлопнутой двери подсказал, что Ригель его не услышал. Кром выглянул из прилужа. И чего разошёлся? Дверь, вон, аж трясётся — так шарахнул. Потом вспомнил, как Ригель стеснялся своей наготы, как отворачивался, когда он перевязывал рану, и призадумался. Видать, и впрямь он в общей бане не был. То есть, был, но лет эдак семь назад. Хотя эти два дня пробегал перед ним нагишом, и ничего. Не поймёшь его. Кром вздохнул и взялся за стирку.

Он успел вымыть пол во всей избе, когда мрачный и озябший Ригель вернулся, неся подмышкой тушку зайца.

— Ты что, без шапки ходил?! — напустился на него Кром. Тот не ответил, прошёл к печи и загремел посудой.

— Смотри, в этот раз я тебя, бестолкового, лечить не буду.

Молчание.

— Хоть горячего попей!

Ригель согласно пробурчал что-то, и вскоре по избе поплыл запах распаренных малиновых листьев и мёда. И то хлеб, подумал Кром, расчёсывая костяным гребнем подсыхающие волосы. Связав их, как подобает, кожаным шнурком в хвост, он снова попытался заговорить с Ригелем, но тот, пошарив на печке, швырнул ему рубаху и вернулся к стряпне. Рубашка пришлась почти впору, лишь чуть жала в плечах. В ответ на благодарность Ригель опять буркнул что-то себе под нос. На Крома он не глядел. Ладно. Тот оделся и вышел.

За избой обнаружилась банька, почти по крышу занесённая снегом. Немудрено проглядеть. Кром взялся за лопату и прокопал к ней тропку. Он положил себе назавтра натопить баню. Может, хоть так Ригель уймётся.

Обедали молча. «И чего надулся как мышь на крупу?» — думал Кром. Хотел спросить, но нутром чуял, что Ригель вопросу не обрадуется. Поэтому просто поблагодарил за обед — очень вкусный, как и накануне, и получил в ответ всё то же невнятное бурчание.

Когда Кром закончил мыть посуду, Ригеля уже и след простыл. На этот раз он убежал в лес засветло.

(1)— здесь: беспокоился

(2)— небольшая кадка с ручками-ушами

(3)— здесь: стащил

(4)— избегать, сторониться

(5)— здесь: проверять, испытывать

(6) — раствор древесной золы в воде; природное моющее средство, наши предки использовали его для мытья и стирки

Глава 7

Река Нерядь нрав имела изменчивый, истинно женский. В иных местах, как в Полесье, разливалась широко и привольно, мягко катила свои воды, а зимой мирно спала под толстым льдом. Возле Кряжа русло сужалось, река глубела, била со дна омутов колючими студенцами(1) и трудно застывала даже в сильный мороз. Особенно беспокойной Нерядь бывала под крутым берегом, яром, на каком и стояла ригелева избушка.

Кром вышел из баньки и с удовольствием вдохнул влажный воздух. День был сырой, почти тёплый. Хлопнула дверь избы. Ригель, не глядя в его сторону, соскользнул по снежному склону-языку к реке. Кром хотел его предупредить, но промолчал. Не первый год тут живёт, должен понимать, что держаться надо ближе к берегу. Лучше лишний раз его не трогать, а то всё никак не отойдёт после неведомой, одному ему известной обиды. Кром проводил взглядом узкую спину и вернулся в баню. В предбаннике нашёл пару веников, дубовый и берёзовый. Связаны они были кое-как. Кром перетянул их покрепче, подрезал торчащие прутья и запарил веники в ушате с кипятком. Огляделся, довольный. Банька была маленькая — двоим еле развернуться, но с просторным полком. Скоро можно мыться. Он зачерпнул воды, чтобы поддать для пару, и вдруг... Словно ледяная игла кольнула в сердце. Кром вздрогнул, выронил ковш и выбежал наружу. Небо, снег, река. А Ригеля нет. И только темнеет полынья с неровными обломанными краями.

Кром скатился со склона, чудом не свернув себе шею. Сердце стучало в висках, тело рвалось вперёд, но он встал на берегу, понимая, что провалится ещё вернее, чем легконогий Ригель. В воде мелькнула рыжая макушка. Ригель изо всех сил пытался выкарабкаться, молча, отчаянно. Мокрая одежда тянула вниз, лёд хрупко крошился под скребущими руками. Что же делать?! Кром поймал взгляд Ригеля и уже не смог отвести глаз. Он ступил на лёд, прошёл немного, а потом скинул тулуп и лёг. Он полз, скользил, пластаясь ужом. Одна сажень, вторая. Ригель потянулся к нему, но вода не пускала. Кром придвинулся ближе и почуял, как трещит лёд. Стиснув зубы, он прополз ещё немного и выкинул развёрнутый тулуп. Тот пару пядей не достал полыньи и окровавленных пальцев Ригеля. По льду волоском побежала тонкая трещина.

— Тянись! — выкрикнул Кром. — Хватайся!

Тот вбросил тело на лёд, зашарил руками. Трещина стала шире. Ригеля тащило вниз. Кром видел его закушенные губы, побелевшие скулы, облепленные мокрыми волосами.

— Тянись, хватайся, — бессильно повторил он. — Тянись...

Ригель опять соскользнул в воду. Кром ругнулся и вытянулся так далеко, как мог.

— Ну! Давай!

Ригель вновь бросился на лёд. Разбитые пальцы стиснули рукав брошенного тулупа.

— Держишься?

Кивок.

Кром потянул его к себе. Лёд стонал, трещина расходилась. Вот Ригель лёг на край животом, вот закинул ногу. Кром отползал, отвоёвывая пядь за пядью. Каким-то звериным чутьём он угадал, когда достиг крепкого льда: упёрся, одним мощным усилием подтянул к себе Ригеля, взвалил на плечо и метнулся назад. Лёд всхлипнул и разверзся за ними длинной, до берега полыньёй.

Снег вырывался из-под рук рыхлым крошевом, резал взломанным настом. Кром карабкался по склону, таща на себе вялого тяжёлого Ригеля. Он оскальзывался, проваливался по пояс, а в голове стучало: «Увязем... застынет... не вылечу...» Ригель вдруг скатился с его спины и пополз рядом, так же барахтаясь в снегу. Кром, ухватил его за пояс, подтолкнул вверх и прохрипел:

— Давай... в избу.

Однако Ригель, достигнув края, свесился и протянул ему руку.

— Дурень! — в сердцах рявкнул тот. — Бегом в тепло!

Но Ригель втащил его и лишь потом неверным шагом потрусил к избе. Кром, отплёвываясь от снега, поднялся и бросился следом. На крыльце он его настиг и успел подхватить на руки — обмякший Ригель чуть не скovyрнулся в сугроб. Кром внёс его в избу, содрал мокрую одежду и уложил на кровать. Закутал в оба одеяла, сверху бросил свой тулуп и кинулся в прилуб. Девятисил, липовый цвет, горсть сушёной земляники. Он закутал отвар и вернулся к Ригелю. Того била крупная дрожь. Холод выходит почти сразу — значит, сердце не застыло. Хорошо. Кром отбросил одеяла и принялся растирать ему ноги. Под шершавыми ладонями восковая кожа покраснела, кровь быстрее побежала по жилам, разгоняя губительный холод. Ригель открыл мутные глаза, что-то пробормотал, шевеля посинелыми губами. Кром отмахнулся: молчи уж. Он растёр ему руки, а потом завернул в одеяло и поволок в баню; там парил в два веника до изнеможения, до жара в костях, чтобы не привязался нутряной кашель. Ригель охал, жмурился от ядрёного пара, но вырваться не пытался.

Будет, решил наконец Кром. Рубаху он ему не взял, поэтому просто замотал в то же одеяло и потащил в избу. Устроив на кровати, подsunул под нос кружку с отваром.

— Пей.

Ригель проглотил пахучее питьё и откинулся на подушки. Кром закутал его и приказал:

— Спи и не высывайся.

Ригель прошелестел что-то благодарное. Кром собрал его одежду, развесил у печки и тогда

только пошёл в баню. Его самого донимала противная дрожь. Стоило вспомнить, как Ригель тонул, и в груди ледяной жижей разливалась тоска. А если б не вышел? Не увидел? Всыпать бы ему вожжами пониже спины, чтоб не совался, куда не надо. Все дети знают, что... Но Ригель-то ведь один тут жил, некому было учить его уму-разуму. И тонул молча, не привык звать на помощь. Кром усилием воли отбросил гневные мысли, но парился так, что чуть не содрал с себя кожу, — смывал усталость и запоздалый страх.

Ещё достало сил прибраться и поклониться баннику за добрый жар: Кром оставил ему чистой воды и распаренный веничек. В предбаннике обтёрся рубахой, которую ему пожаловал Ригель, натянул штаны и вышел. Мокрый воздух лизнул разгорячённую кожу. Приятно. На землю пали туманные сумерки, но хищно раззявленная пасть полыньи была хорошо видна. Кром отвернулся. Ругать матушку-Нерядь он не собирался, а вот водяного про себя помянул бранным словом — нечисть таких, как известно, боится.

В избе было темно и тихо. Он зажёл лучину и отёрнул полог у кровати. Ригель, конечно, выпутался из одеял. Смуглая кожа блестела испариной, но грудь вздымалась мерно. Кром прислушался: дыхание чистое, без хрипа. Он опустил ладонь ему на лоб. Небольшой жар, это не беда. Отпоить травами можно. На Крома опять навалилась усталость. Он мимодумно огладил напоследок взмокшие тёмно-рыжие пряди и хотел подняться, но на запястье сомкнулись тонкие пальцы. Ригель смотрел на него и тянул к себе, словно хотел шепнуть что-то на ухо. Кром наклонился...

Мягкие губы накрыли его рот, прижавшись в жадном поцелуе. Кром распахнул глаза, ещё не осознавая до конца, что происходит. А Ригель извернулся и с неожиданной силой втянул его на постель; при этом он, не переставая, ласкал его губы своими, не выпускал, не позволял заговорить. Кром опомнился, замычал, попытался отстраниться, но Ригель прижал его, удерживая за плечи, сжимая коленями бёдра. Узкие ладони скользнули по распаренной коже, слепо зашарили по груди, задевая соски. У Крома перехватило дыхание. Ригель освободил его губы, скользнув ниже, но он не смог ничего произнести: от этих поглаживаний, от влажных поцелуев в шею тянуло под ложечкой, а внизу живота разливался неведомый жар, и хотелось закрыть глаза, поддаться. Он невольно выгнулся навстречу нежданым ласкам, а Ригель ловко распустил поясной шнурок и сдёрнул его штаны.

Первое прикосновение вышибло из лёгких воздух. Кром, замерев, смотрел, как пальцы Ригеля трогают светлые волоски в паху, как обхватывают налитую плоть, сжимают, нежно поглаживают. При этом бедром он чувствовал ответную горячую твёрдость. Он поднял глаза, хотел сказать что-нибудь и прекратить это безумное, стыдное, сладкое... Но Ригель, словно угадав, качнулся вперёд; губы Крома оказались запечатаны настойчивым поцелуем, а ладонь там, внизу, задвигалась быстро и плавно. Руки взлетели, чтобы упереться, оттолкнуть, и — упали. Волны тягучего жара заполнили тело и поглотили разум. Кром вцепился в простыню, вскинул бёдра, а Ригель тогда накрыл его собой и застонал в ухо. Этот звук струйкой жидкого пламени скатился по спине вниз, скрутился жгутом в поясице, полыхнул мучительно ярко и вырвался из тела жемчужно-белыми каплями. В тот же миг острые зубы сомкнулись на мочке уха — Ригель задрожал, глухо ахнул, и Кром ощутил горячие брызги и судорогу, в которой тот забился, прижимаясь ещё плотнее.

Кром рухнул на подушку и закрыл глаза. Он слышал шумное дыхание Ригеля, когда тот, приподнявшись, скатился с него. Нужно было что-то сказать или сделать, но он продолжал лежать, зажмурившись. Осмыслить такое сразу было невозможно, и Кром позволил накатившей слабости перейти в милосердную дрему. Уже на пороге сна пришло ощущение влажного прикосновения — то Ригель обтирал его смоченной тканью.

Проснулся он от звяканья печной заслонки и удивился: Ригель обычно вставал много позже него. Ригель. Кром мгновенно всё вспомнил и испуганно вскинулся. Это был сон или бред, не могли они... Но под спиной была не лавка — шуршащий тюфяк. Он повернул голову и, увидев примятую подушку, чуть не застонал. Да что же это? Кром поднялся, осматривая себя. Штаны на месте. Или всё-таки привиделось? Он прижал запястье ко лбу. Может, и у него горячка случилась?

Полог отлетел в сторону.

— Проснулся? Айда завтракать, — Ригель, как ни в чём не бывало, стал собирать на стол. Кром сполз с кровати. Пока умывался, всё посматривал на него: Ригель был спокоен и, кажется, больше на него не сердился. Такой, как всегда, разве немного бледный.

— Ты как?

— Живой. Рёбра только ноют. Видать, ушиб, когда выбирался, — Ригель улыбнулся скупой и как будто смущённо. — Опять ты меня спас.

Кром отмахнулся.

— Не лезь на лёд.

— Не буду. Тебе горбушку или мякиш?

Пока завтракали, Ригель, по обыкновению, болтал обо всё подряд, рассказывал о загорских падунцах(2) и бурных речках — студёных, аж дух занимается, но зато хрустально-чистых. А Кром всё порывался спросить о произошедшем — наяву ли? — но знал, что скорее откусит себе язык. Так он и решил: помстилось в горячке, приснилось, почудилось. Он же устал вчера, вот и прилёг, наверно, рядом. Остальное — недобрый ночной морок.

Однако рёбра его смотреть не стал. Морок мороком, а от воспоминаний о гибком теле к щёкам прилиwała кровь. Кром знал, что краснеет легко, жгучий румянец мгновенно занимался на его светлой коже. Пробормотав благодарность, он выскочил из-за стола и пошёл поискать работы снаружи. Когда надевал шапку, прижал ухо; мочку отчего-то саднило, но Кром не позволил себе думать об этом. Благо, за ночь навалило тяжёлого мокрого снега, и он оказался при деле.

После обеда Лис ускакал на промысел. Кром, намахавшись лопатой, успокоился и решил лечь пораньше. Лучину гасить не стал. Ночью сквозь сон услышал скрип двери, знакомую летучую поступь, плеск воды в прилube и довольное фырканье. Подумал сонно: с добычей явился. А потом над лавкой, заслоняя лучинный свет, нависла тень. И Кром, уже зная, чувствуя, что будет дальше, замер. Одеядо приподнялось, Ригель лёг рядом. Ноздри щекотнул его запах — снег, мёрзлая хвоя и что-то терпкое, трудноуловимое. Ощувив прикосновение к шее, Кром перестал притворяться спящим.

— Что творишь? — спросил, почему-то шёпотом. А Ригель не ответил, лишь придвинулся ближе. Жар его тела мгновенно передался Кром, и тот испугался: опять тёмное, недоброе туманит голову, заставляет желать того огня, который — он уже понял — не приснился, а был порождён запретной лаской, телом и руками мужчины. Он попытался подняться, чтобы спихнуть Ригеля, но, на беду, посмотрел на него. Влажный блеск глаз, блик ножевой стали и золотистые искры лучины в карей глубине, странно мягкий, уязвимый взгляд из-под упавших на лоб прядей. Показалось, что пересохшие губы шевельнулись в беззвучной мольбе — не

прогоняй... Кром смотрел на него и знал, что должен оттолкнуть, но миг был упущен. Чуткие смуглые пальцы скользнули выше, погладили нежную кожу за ухом, вплелись в густые волосы, от чего по затылку рассыпались колючие мурашки. Ригель притянул его к себе, всё так же не отводя глаз, прильнул, настойчиво потёрся бёдрами. И тело Крома отозвалось против воли, предало его охотно и радостно. Рука Ригеля проникла под рубаху, прошла широким успокаивающим движением. Он поглаживал Крома, словно испуганного норовистого коня, и всё смотрел, не мигая, своим искристым взглядом, одновременно молящим и жадным. По груди и дальше — ладонь скользила по животу, над кромкой штанов; пальцы затеребили витой поясной шнурок... Кром закрыл глаза.

Одеяло сползло на пол; обнажённой коже, обманутой ласками, воздух показался прохладным. Ещё одно нетерпеливое усилие, и штаны оказались стянуты вниз. Плоть к плоти, обжигающее прикосновение, общая дрожь. Кром зажмурился до слёз, а Ригель знакомо застонал и начал двигаться. Сначала медленно, потом — всё быстрее. Терпкий запах стал сильнее, вытеснил воздух из груди, где ухало кузнечным молотом сердце; и через этот бешеный стук, через гул крови в ушах пробился тихий звук — их согласный вскрик.

На этот раз Ригель отстранился не сразу. Лежал, вздрагивая, умирал сбитое дыхание. Потом поднялся, обтёр его. Кром не шелохнулся. Ригель задул лучину и вернулся на лавку. Та была не слишком широкой, двоим — еле поместиться, но он умудрился лечь так, что не коснулся Крома ни рукой, ни коленом, только прижался лбом к плечу и почти сразу заснул. А тот лежал, оглушённый осознанием того, что они совершили.

Он слышал о таком — забавах мужчин с мужчинам. Слышал и не мог поверить. Разве в городе, где полно всякого скотства, где богачи бесятся с жиру и готовы валяться в любой грязи, лишь бы разогнать скуку. Мерзкое удовольствие, оскверняющее самое главное, то, на чём зиждется мир, — закон слияния начал, мужского и женского, которое освящено светлыми богами и которое даёт новую жизнь. Так думал Кром, незряче всматриваясь в темноту. Но несмотря на то, что это была правда(3), изначальная и непреложная, он не мог оттолкнуть Ригеля, который жался к нему так отчаянно. Не мог, даже в мыслях, назвать его мерзким. Проживи столько лет в глуши, отторгнутым от семьи и мира(4), кто знает, что с тобой станется? Может, и не такое ещё учудишь. Да только всё равно дурно это. Неправильно.

Когда забрезжил мутный рассвет, Кром осторожно поднялся и стал собираться. Он решил уйти. Случись сильная метель, можно вырыть в снегу нору и переждать. Охотиться в пургу нельзя, и ладно. Не помрёт. Через трое-четверо суток будет дома, там дел полно. Он вдруг подумал, что за эти дни ни разу не вспомнил о Варише. Что он ей скажет? Да ничего, кроме того, что о Лисе лучше забыть. Он невольно глянул в сторону лавки. Ригель будто почувал — заворочался, забормотал во сне. Кром отвёл глаза, подавив мысль, что попросту сбегает. Нет, он его разбудит, конечно, поблагодарит за кров. Вот только оденется сперва.

Когда он цеплял к поясу тул, ремешок выскользнул из пальцев. Тул грянулся о пол с глухим стуком. Ригель резко сел, поморгал, повернулся. Щурясь спросонья, он цепко оглядел кромову одежду, собранный мешок и... ничего не сказал. Поднялся, надел штаны и прошёл мимо замершего Крома в сени. Тот невольно шагнул следом, мучительно подбирая слова для прощания, но Ригель уже вернулся с парой добытых ночью рябчиков. Стянув им лапки тесёмкой, он, не глядя, сунул добычу в руки Крому и нырнул в прилуб. Вот так. И не надо ничего говорить, оправдываться. Кром не мог видеть его, но явственно представлял прямую спину, напряжённую в ожидании стука захлопнутой двери, и хрупкий затылок под неровно остриженными прядями, и плечи, готовые принять ношу каждодневной тишины...

Он вздохнул, ногой задвинул — почти пнул — мешок в угол и вышел в сени. Рябчиков надо

ощипать. К обеду.

(1) — родники

(2) — водопады, пороги

(3) — здесь: закон

(4) — здесь в значении "люди"

Глава 8

День прошёл спокойно и молчаливо, как ни в чём не бывало. К вечеру Лис убежал, притом перекидываясь Ригель почему-то ушёл в сени. Кром не сразу спохватился, что его нет. Найдя в сенях сброшенную одежду, удивлённо повертел её в руках и занёс в избу, чтоб не выстудилась.

За окнами стремительно угасал хмурый день. Кром присел на лавку, всматриваясь в сумерки. Днём, за делами он не думал о том, что совершил, но теперь мысли теснились в голове, вились, точно надоедливые осы. И вновь вставало перед внутренним взором лицо Ригеля, когда он воротился с этими несуразными рябчиками, — изумлённое, какое-то опрокинутое. Правда, почти сразу он принял равнодушный вид («Запечём или сварим?»), но Кром запомнил и знал, что будет помнить долго. Так же, как рассветный танец Лиса на пригорке, или запах мёрзлой хвой в ночном лесу, или губы Ригеля на своих губах...

Проще всего назвать его дурным, нечистым — оборотень же, откуда тут взяться человеческому разумению правды жизни. Можно сказать, что выжил из ума, свихнулся от одиночества. На худой конец можно успокоить себя, что это всего лишь жалость. А последнее-то и недалеко от истины, вот только Кром не видел в жалости ничего зазорного. Кто бы сказал: не смей меня жалеть, я не слабый. А ему всегда казалось, что пожалеть и принизить это не одно и то же. Ведь если сердце болит за человека, значит, он тебе не чужой. Не совсем чужой. В чём же тут обида? А как, интересно, мыслит Ригель? Хорошо, если как он, а если как те, другие, кто скорее помрёт, чем даст себя пожалеть? Тогда худо. Тогда выходит, что совсем дошёл, принял, что дали. Понял ведь, что Кром просто не смог уйти; не сейчас, когда темнеет рано и в одинокую избу тычется заиндевелой мордой северный ветер, заполняя тишину хищным поскрёбом позёмки; не сейчас, когда совсем рядом, только выйди, зияет гибельный провал полыньи. Кром обхватил руками голову и шумно выдохнул. Э, нет. Лукавишь, брат! Да, жалеть ты горазд, но есть тут и другое: стыдная сладость, поделенная на двоих, воспоминание, какого не должно быть и какое заставляет обмирать в ожидании ночи. Его жалость, ригелево принятие и общее желание — куда это всё заведёт их?

Кром не собирался винить во всём Ригеля. Он боялся того, что случится дальше. И он не мог уйти. Не сейчас. Весной, наверно, всё будет светлее и понятней. А пока ветер стегал бревенчатые стены хлёсткой крупой, и одинокая изба подслеповато щурилась слюдяными окошками на чашу, где промышлял лихой беспутный Лис. Кром встал и затеплил лучину; тёплый огонёк разогнал сгустившийся мрак. Может, Лису будет радостно увидеть свет, золотящий всегда тёмные окна.

Лучина горела всю ночь, Кром лежал на своей лавке, прислушиваясь к ночным звукам. Иногда он беспокойно задрёмывал и почти сразу же вскидывался: не идёт? Но знакомые летучие шаги раздалась в сенях только на рассвете. Кром услышал и сквозь вязкую хмарь чуткого сна пожалел, что лучина погасла. Скрипнула дверь, и он, окончательно проснувшись, подобрался:

что Ригель будет делать? Но тот наспех умылся и прошлёпал мимо лавки к себе, за полог. Почти сразу оттуда долетело его мерное глубокое дыхание. Заснул. А Кром лежал с открытыми глазами, смущённый непривычной мешаниной чувств, главными среди которых были облегчение и, почему-то, досада.

* * *

В этот раз Лис добыл глухаря. Огромного, дня на три хватит.

— Сегодня никуда не пойду, замаялся с ним. Чуть глаза мне не выклевал.

— Не задел? — Кром глянул ему в лицо.

— Нет. Шея только ноет, — тот повертел головой. — Тяжёл больно.

После обеда Кром уселся разбирать глухариный пух.

— Куда он тебе? — Ригель прищурился на чёрно-белое богатство.

— Не мне, а тебе. Подушку набьёшь.

— Так есть же, две.

— Перину, значит.

— Я что, девица, на перине почивать? Мне приданого не надо.

— Ну, — Кром махнул рукой, — не выкидывать же.

— Всегда выкидываю, — Ригель стёк с печи и уселся на пол рядом с ним. Поворошив перья, выбрал самое длинное и отвёл руку, любуясь маслянистым зеленоватым блеском, проступающим сквозь черноту.

— Вот эти бы можно и оставить. Красивые.

— Что в них толку, в хвостовых-то? — буркнул Кром. — Разве метёлку связать, противень маслом мазать.

— А что, обязательно должен быть толк? — Ригель, улыбаясь, прикусил кончик изогнутого пера. — У вас в Полесье есть у кого заветные дары?

— Какие?

— Вещи, разные, про которые никто не знает, кто их сделал и когда. Их хранят в роду, берегут, невесту ими выкупают.

— Вено(1), что ли?

— Да нет, — Ригель наморщил лоб, не зная, как объяснить. — Они остались от тех, прежних.

Кром понял. Он слышал о таких вещах. Оружие с вязью неизвестных знаков по древнему клинку, книги на смутно знакомом языке, украшения, коих ни один мастер теперь не в силах повторить, — всё это создавалось, как говорили, на заре времён, когда жили иные люди. Да и человеческого ли роду они были? Теперь уж никто не помнил. Ригель сказал «заветные дары»,

хорошее прозвание. Верное. Заветные мечи не обагрjali в битвах, но ими искали справедливости. Заветные книги никто не мог прочесть, но владеющего такой почитали мудрым, так же, как женщину в заветных украшениях поименовали бы красавицей, будь она хоть крива на оба глаза. Такова была тайная сила этих вещей: никто не мог постичь их суть, но все хотели обладать, чтобы ощутить на себе отблеск давнего первородного величия. Кром этого никогда не понимал.

— У нас не осталось, — сказал он. — После ирт-аша, говорят, все сгинули.

Более полусотни лет назад случилось нашествие иртов, степняков. Они забирали всё, что могли увезти на своих крепких невысоких лошадках, а что не могли, то сжигали. Ирты дошли до самого края, но вверх не полезли, степняки горам не доверяли. Поэтому Загорье уцелело. Они повернули назад и прошли по разорённым весям ещё раз. Засыпанная горьким пеплом земля потом не сразу стала родить, был великий голод. Однако выстояли, выкормились кое-как, отстроились. Ирты более не заходили так далеко, границы от них стали стеречь. Но украденного, понятно, не воротили.

— У нас в роду хранятся запястья(2), женские, — Ригель провел пером по предплечью, показывая. — Они такие... Тоже вроде никакого толку, но красивые, — кончик пера скользил по рукаву рубахи, вычерчивая прихотливые узоры. Кром поймал себя на том, что следит за ним, и отвёл глаза.

— Значит, тебе никакое вено не надобно? — полушутя спросил он. — Любая девка за такие пойдёт.

— Нужны они мне, — фыркнул Ригель. — Это кабы она за меня пошла, — он вновь закусил острый кончик, изображая задумчивость. — А и нет, и тогда бы не нужна.

Он вдруг наклонился и дунул прямо на горку отобранного пуха. Чёрно-белый снег взвился под потолок, мягко закружил по избе.

— Что творишь... — возмутился было Кром. — Пф! — то Ригель залепил ему в лицо пригоршней щекотных перьев. — Ах ты!..

Смеясь, они закидали друг друга пухом, а потом так же дружно стали собирать. Кром упибал его в короб; надо будет Ригелю, сам и разберёт. Он оглядел избу.

— Всё?

Ригель вдруг шагнул ближе коснулся его волос. Погладил. Кром замер, не зная, что делать, и просто смотрел на него. Мгновение они стояли так, а потом Ригель, странно улыбнувшись, отвёл руку и показал ему маленькое невесомое пёрышко.

— Теперь всё.

Пока смущённый Кром устраивал короб на печи, Ригель выскочил из избы.

— Пойду баню протоплю.

Мыться первым отправил Крома. Когда тот воротился, сказал спокойно:

— Ложись у меня.

И вышел. Его долго не было. Растерянный Кром успел издуматься, известись — что делать, как себя повести? Не бегать же от него по всей избе, глупо. Решился, лёг, и опять незадача: одежду снять или оставить? Мысли о том, что будет, что может быть дальше, он старательно отгонял. А когда Ригель вернулся, их, мыслей, и вовсе не стало. Тёплый свет лучины льнул размыватым бликом к обнажённой коже — Ригель одеждой пренебрёг. Но его нагота не казалась уязвимой или отчаянной, как когда он перекидывался перед Кромом, вынося на его суд тайну тягостного перевоплощения; теперь это была повадка молодого зверя, игривая, но и осторожная: вот он я, а каков-то ты будешь? Кром наблюдал, как он скользит по избе, и со стыдом чувал, что тело отзывается даже на это: на неторопливую плавность движений, на пережат удлинённых мышц под играющей каплями воды кожей — кажется, вытираться он тоже не стал. Кром отвернулся к стене, вслушиваясь в шорох, доносящийся из прилуба. Некоторое время Ригель что-то там делал, а потом вернулся, принеся с собой знакомый душистый запах.

«Масло», — промелькнуло на краешке сознания. Тихие шаги; одеяло, стянутое нетерпеливой рукой, сползло на пол. Тихий смехок.

— Штаны-то зачем надел?

Он обернулся. Ригель присел на краешек кровати, но тут придвинулся ближе, взял за руку и потянул, укладывая спиной на подушки. Мягко надавил на плечи, словно говоря: «Лежи так». Ладони знакомо легли на грудь, задержались у сердца, прошлись по животу и вверх, оглаживая бока и плечи. Он чуть наклонился, и Кром почувал запах распаренных берёзовых листьев и печного дыма; опустив веки, он следил за Ригелем сквозь ресницы. А тот не пытался прижаться или поцеловать, хотя доказательство его нетерпения упиралось Крому в бедро, и от этого дыхание у обоих становилось глубже и чаще, а робких поглаживаний уже было мало.

С мокрых прядей сорвались холодные капли и окропили разгорячённую кожу; Кром вздрогнул, открыл глаза и увидел, как рыжая макушка нырнула вниз: Ригель ткнулся ему в ключицу, собрал губами воду и двинулся дальше, обжигая влажный след языка горячим дыханием. Кром зажмурился, не сумев подавить рвущийся стон. Услышав его, Ригель застыл, поднял голову, словно не веря. А потом выпрямился и в два движения сдёнул с него штаны; не спустил, как до этого, а снял полностью. Кром остался обнажённым. Ригель охватил его медленным тягучим взглядом, снизу вверх, встретился с ним глазами. А потом стянул с полки над кроватью склянку из мутно-белого стекла.

Золотистое масло тонкой струйкой пролилось в смуглую ладонь. Она слегка подрагивала, но касание было уверенным — когда Ригель смазывал его, когда садился сверху, направив в себя тугую плоть. Кром вцепился в простыню, из всех сил стараясь не шевелиться, не дышать. Ригель принимал его в себя понемногу, то опускаясь, то вновь приподнимаясь, замирая и двигаясь дальше. Кром мог видеть зажмуренные глаза, прикушенные губы, судорожно подёргивающийся кадык и затвердевшие маленькие соски. Больно, понял Кром. Ему же больно. Он протянул руки, одной придержал его за бёдро, а второй тронул щёку, шею, плечо, желая даже не приласкать, но утишить боль. А Ригель вдруг резко выдохнул и опустился до конца. Из его горла вырвался стон. Кром всем существом ощутил сводящую с ума горячую узость, в которую хотелось толкнуться, проникнуть глубже, но он по-прежнему не шевелился, лишь гладил его, стирая испарину с одеревенело-напряжённого тела. Ригель поймал его ладонь и направил вниз. Кром вспомнил полученные ласки и постарался их повторить, чувствуя, как изменяется, наливается жаром плоть под его рукой. Ригель тихо вздохнул и открыл глаза. Взгляд был шальной, тёмный, на скулах неровными пятнами цвёл румянец. Кром смотрел, не отрываясь; Ригель подался вперёд, склонившись очень низко. И так несколько мгновений — не шевелясь, глаза в глаза, будто ждал чего-то. Наконец Кром опустил ладонь на стриженный затылок, привлекая ещё ближе, и прижался в неумелом поцелуе — угадал? И губы

Ригеля дрогнули, то ли принимая, то ли возвращая эту неловкую нежность.

А потом было плавное гибкое движение, и новый стон Ригеля — воркующий и сладкий, и бешеная пляска бёдер, когда, обезумев, они рвались навстречу друг другу в погоне за древним как мир наслаждением, и взрыв обжигающего жара, который настиг их одновременно. Ригель упал на грудь Кромю, обессиленный, вздрагивающий, и они лежали так, пока стихало бушующее в крови пламя.

* * *

Следующие два дня прошли также: обычные дела до вечера, а ночью — объятия и поцелуи, сплетение постигающих друг друга тел и глубокий успокоенный сон. У Ригеля, по крайней мере. По нему сразу было видно, что не привык делить с кем-то постель. Он закидывал на Крома руки и ноги, толкался и пинался, а потом и вовсе вполз на него, распластавшись, точно кот, и так спал. Было неудобно и тяжело, Кром пару раз спихивал его, но Ригель упорно влезал обратно, и он смирился. Уходить от него на лавку почему-то не хотелось.

Кромю не спалось. На третью ночь он лежал, уже привычно придавленный сонной тяжестью прижавшегося Ригеля. В голове всплыло неприятное воспоминание о том, как он впервые чуть было не познал плотскую любовь.

Та женщина была молодой вдовой, и, как говорили парни, охотно «принимала» их. Кромю были неприятны и эти разговоры, и склизкие улыбки, но как-то они затащили его туда, в соседнюю деревню. Ты, мол, мужик или нет? Женишься — чего с молодой-то делать станешь? Кром и опомниться не успел, как его впахнули в тёмную горницу. Вдовица и впрямь их поджидала. Кром смутно помнил мокрый поцелуй, и завернутый подол, и то, как она, потеряв терпение, положила его руки себе на грудь. А он думал: и со сколькими она так? Стало тошно, он выскочил из горницы, на ходу завязывая пояс, а в спину неслись смешки парней — что, не сдюжил? и брань обиженной молодки. Надо думать, её тогда утешили. А Кром с тех пор чурался молодецких сходок, а в памяти осталось ощущение полной женской груди — как есть вымя, только гладкое, и удушающий стыд от неправильности произошедшего. Чтобы побороть это гадливое — точно червивое яблоко надкусил — чувство, он говорил себе, что когда-нибудь женится и насладится телесной любовью с наречённой на честном супружеском ложе, так, как заведено; и не будет в этом ничего стыдного, ведь куда как радостно постигать эту науку впервые с единственным, выбранным тобой человеком. Но вышло иначе. Иначе?

Ригель вился в его руках медной змейкой, рыжим пламенем — то обжигающе горячим, то утешительно тёплым. Кром жадно впитывал его жар, но знал, что и сам даёт ему что-то особенное, нужное, и понимал, что ему одинаково нравится и принимать, и дарить. Делить на двоих дарованное богами ночное счастье. Но о том ли мечталось, когда жалел, что не успел порадовать захворавшего отца внучатами, когда глядел на просторную свою избу, в которой так привольно жилось бы большой дружной семье?

Однако думать об этом сейчас не хотелось. За окном тоскливо завывала вьюга. Одеяло сползло на пол, но Ригель укрывал его собой и щекотно сопел в шею. Кром обнял его и наконец заснул.

(1) — выкуп за невесту

(2) — браслеты

Глава 9

Сечень давно перевалил за половину. В маленькой избе у стоп кряжа всё шло своим чередом. Кром домовничал; Ригель в ненастные дни сидел дома и помогал ему, в ясные убегал лисом в чашу, охотиться. Кром тогда оставлял лучину гореть. Поздно ночью он слышал скрип двери и плеск воды, а потом стылый с холода Ригель влезал в нагретую постель, к стене. Умопившись, мгновенно засыпал и почти сразу же взбирался на него живым одеялом, словно ему не хватало тепла или хотелось прикоснуться всей кожей.

Кром приучился спать на спине.

Утром Ригель касался его волос или легко кусал за ухо — просыпайся, и долго не выпускал из объятий. Они лежали в зыбких рассветных сумерках, слушали вой ветра, а иногда разговаривали, почему-то вполголоса.

— Кромгал, Кром, — бормотал Ригель.

— Чего?

— Ничего. Это имя воина(1).

— Я не воин.

— И хорошо, — ладонь Ригеля рассеянно бродила по его груди. — Они ходят на лодьях(2) по Неряди. После битвы, бывает, везут добычу, полонян. Бывает, только своих мёртвых. От них, воинов всегда пахнет железом и кровью. От полонян — страхом и чем-то таким горьким, аж глаза ест. А их женщины и парни, что помоложе, ещё несут на себе запах... воинов.

Крому представлялись летние высокие травы и среди них Лис, нюхающий ветер с реки. Там лодьи с боевыми знамёнами, шутки и песни — с победой идут. Чуткий нос вбирает вытканый запахами воздух; Лис фыркает, чихает и отворачивается. Ну вас.

Ригель умолкал и прижимался теснее. Кром оглаживал его по спине и говорил:

— В мире много дурного.

— Наверно. А ты бывал в городе?

— Бывал. Мне там не нравится.

— Маленьким отец меня брал на ярмарку. Потом я ещё пару раз лисом подходил, близко.

— С ума сошёл? А увидели бы?

— Ну, не увидели же, — Ригель улыбался ему в плечо. — В город я не заходил, там тоже дурно пахнет. Раньше не замечал.

По мнению Крома, городскую вонь мог не заметить только человек вовсе бесчувственный.

— Нечего там делать.

— Хочется поглядеть, как люди живут.

Слово «люди» Ригель выделял, в голосе мелькала затаённая тоска. Крома это почему-то сердило.

— Да так же точно и живут, только в тесноте да шуме, — бурчал он, рука опять тянулась тронуть худое плечо и выше, пропустить сквозь пальцы неровно остриженные пряди, очертить скулу, острый подбородок. Ригель сладко жмурился, подставлялся под ладонь, ловил губами его пальцы и не сразу выпускал.

— Брось, вставать же надо.

— Зачем?

— Печь топить.

— Тебе холодно? — старательно удивлялся Ригель. — А так?

— М-м...

Их руки уже знали тела друг друга наизусть; пальцы скользили по коже, словно лесные звери, что стремят тайной тропой к водопою, желая утолить яростную, сжигающую жажду, напиться, насладиться — отчаянно, будто про запас.

— Ты красивый, — сказал Ригель другой раз. Кром фыркнул.

— Я что тебе, девица?

— Разве только девицы красивыми бывают? — рассмеялся тот, усаживаясь сверху. — Ты как снежная зима, но тёплый, — он задумчиво рассматривал его, и Кром стало неловко под этим взглядом. Он ловко извернулся и подмял Ригеля под себя.

— Ты мне тоже кое-кого напоминаешь. Рыжего такого, хвостатого.

— Кого же это?

— Запомню, как называется.

Ригель рассмеялся. Он часто смеялся в эти дни. А Кром всё хотел спросить, откуда у него шрамы на теле, но забывал.

* * *

Вьюжный Сечень миновал, на смену пришёл норовистый Зимобор(3). Дни стали длиннее, воздух потеплел, но по ночам морозило. Кром научил Ригеля резать по дереву. Получалось у того на удивление хорошо. Однажды они даже затеяли тягаться, кто быстрее выпустит из чурочки Лесного Хозяина, медведя. Ригель резал старательно, рывком головы отбрасывал лезущие в лицо волосы. Вдруг проворное лезвие замерло; он поднял голову, прислушиваясь. Кром тоже насторожился.

— Что?..

— Матушка, — пробормотал Ригель и метнулся к окну. — Матушка!

Он выскочил в сени не одетым, Кром даже окликнуть не успел, и почти сразу втащил на руках охапку меха, пахнущую стывшим ветром.

— Пусти, дуралей! — охапка зашлась звонким смехом и обернулась невысокой женщиной, разматывающей длинную шаль. Ригель кружил вокруг неё, помогая раздеться. Кром поднялся

с лавки и почтительно поклонился.

— Госпожа.

Та ойкнула от неожиданности и вынырнула из-за плеча Ригеля. На Крома изумлённо глянули знакомые глаза — карие, с раскосинкой.

— Кто... кто это?!

— Это Кром, с Полесья, — как ни в чём не бывало ответил Ригель.

— А-а, — так же спокойно отозвалась женщина. Она наконец освободилась от неуклюжей зимней одежды и шагнула ближе к свету, оглядывая замершего Крома. — А я Илан, — она улынулась. — Еланья(4), по-вашему.

Кром тоже разглядывал её. Высокие скулы, узкий подбородок, уголки глаз подняты к вискам, отливающие тёмной медью волосы убраны по загорскому обычаю в пучок на затылке. Стало ясно, в кого уродился её старшенький. Разве у матери кожа смуглее, но всё равно она была красива особой, нездешней красотой. Ригель сказывал, более двадцати лет назад отец поехал в город. Ехал за бороной, а вернулся с женой — так у них в семье шутили. Отдал все деньги за прекрасную полонянку с юга, там же, при честном народе объявил её свободной и позвал замуж. Девушка — куда деваться — согласилась, и ещё с год все в Загорье косились на неё, чужачку, охомутавшую самого видного в селе жениха. А тот особо злоязычным без разговоров сворачивал носы набок. Так и притерпелись, смеялся Ригель. Кром тогда подумал, что его отец, должно, смелый человек, раз не убоился ни молвы, ни своей семьи — тоже, поди, не радовались чужой-то крови. Однако собственного первенца он зачурался, не в пример жене. Правду говорят, материнское сердце никому не уступит ни в храбрости, ни в силе.

— Куда пришла, по темноте в такую даль? Не могла тепла дожждаться, да? — ругался Ригель, натягивая ей на ноги толстые носки.

— Ай, ну что я ждать буду? Сам(5) уехал в город на седмицу, а я сиди, да?

Кром не сдержал улыбку. Её звонкий голос лился горным ручьём, подскакивая на порожках — в концах слов. Выходит, чудной этот говор Ригель тоже взял от матери. Сейчас они в споре сплетали бурливые струи своих голосов и, стоя друг против друга, одинаково взмахивали руками и напоминали пару щебечущих красноперых птах.

— ...до Перевала засветло добралась, там у тётки твоей заночевала, она никому не скажет, сам знаешь. Затемно ещё пирогов напекла и днём уже тут. Ой, — спохватилась, метнулась в сени, — а я те... вам столько всего принесла-а-а! Погреть только надо!

Сидя за столом, Кром наблюдал, как она носится по избе, — стремительная, лёгкая, словно девушка, а не мать двух взрослых сыновей. Илан. Ей шло именно это имя, а не то, что дали здесь. Но не зря полонян называют «вкругорядь рождёнными». Им приходится забыть и семью, и речь, и всю свою прежнюю жизнь. Однако глядя на мать Ригеля, никто бы не сказал, что она родилась не в такой же избе. Откуда-то взялся тканый цветными нитками передник и сам собой обвился вокруг тонкой талии; ухват прыгнул в руки, печка услужливо отодвинула заслонку — пользуйся, родимая. Почти сразу на стол плюхнулось блюдо румяного печева и кружки с простоквашей.

— Ешьте! — приказала Илан и опять упорхнула в прилуб. Там гремела посудой, приговаривала своим певучим пташечьим голосом, а потом вернулась, удивлённая.

— Всё чисто! И помыть-то нечего, — она стянула передник и уселась за стол. — Благодарить, думаю, надо не моего вертопраха, а тебя, гость полесский?

Ригель, чуть не поперхнувшись ватрушкой, забормотал что-то утвердительное и для пущей ясности закивал — его, его! Илан улыбнулась и пододвинула Кромю блюдо и нетронутую кружку.

— Не вкусно?

— Вкусно, — Кром торопливо взял плюшку.

— Ешь, — повторила она, окидывая их обоих каким-то особенным, тёплым взглядом. — Ешь, сынок.

Плюшка таяла во рту и упоительно пахла вываренной в меду земляникой, но Кром едва мог ощутить вкус. Илан сидела, подперев рукой щеку, и смотрела. Все матери, что жили до неё и что пребудут после, глядят в эти мгновения на своих сыновей именно так — ласково, чуть устало. «Ешь, сынок». Так же смотрела бы на Крома та, которую ему увидеть не довелось, его мать. И наверняка она так же любила бы его несмотря ни на что...

Ригель проглотил третью ватрушку, взялся было за четвёртую, но отложил.

— Ух, объелся.

— Вот и молодец! — усмехнулась Илан. — Пошли приляжем, чтоб умялось?

Ригель опять подхватил мать на руки, закружил, мягко опустил на кровать и лёг ей под бок. Убирая со стола, Кром видел, как она гладит его по голове, перебирает волосы. Ригель расспрашивал о доме, об отце и брате, даже о соседях. Илан терпеливо отвечала, и они уютно шептались, смеялись чему-то. Кром решил прогуляться, чтобы не мешать. А то они и так редко видятся.

Сугробы ещё были глубоки, но мокрый снег уже напитался влагой и норовил налипнуть на лыжи. Кром шёл, вдыхая тёплый сырой воздух. Скоро снег начнёт рушиться — осядет, съедет со склонов холмов и оврагов, выпуская на волю вешние воды. Он припомнил: первый день месяца выдался солнечным — к тёплой весне. Значит, Цветень, ласковый брат Зимобора, сразу просушит распутицу в поле и на дорогах, можно будет уйти. Кром резко развернулся и покатил к рощице. Потом, он уйдёт потом. Не сейчас.

Он бродил полдня, вернулся под вечер. Илан сразу усадила за стол, стала потчевать душистой грибной похлёбкой и рассказывать:

— Грибов последки в льняном мешочке. На поставце крупа и мука, сало в горшочке, мёд, масло, ягоды сушёные. Ну да ты сам увидишь. А мне пора собираться.

Кром даже ложку опустил.

— Так ведь стемнеет скоро!

— Ничего, у меня провожалыщик есть.

— Есть-есть, — отозвался с кровати Ригель. — До Перевала — только со мной!

Он знакомо завоzilся, и из-за полога выкатился Лис. Сделав первые неуверенные шаги,

освоился с новой личиной и радостно заскакал вокруг одевающейся Илан.

— Уймись, телёнок! — с притворной строгостью вскричала та. — Избу разнесёшь!

Лис звонко тьякнул и прижался к её ногам. Илан рассмеялась и наклонилась погладить.

— Лисёныш ты мой родной, — прошептала она и добавила на чужом, полузабытом, должно быть, языке. — Ма низэлэ, мой родной...

Когда Илан выпрямилась, Крому почудился в её глазах блеск непролитых слезинок. Однако голос по-прежнему лихо взлетал перекатами горного ручейка.

— Будем прощаться, гость полесский?

Кром поднялся и хотел поклониться, но Илан удержала, лишь чуть пригнула ему голову; мягкие губы тронули его лоб благословляющим поцелуем.

— Будь здоров, сынок.

Он слышал, как она весело выговаривает что-то Лису, как стучит лыжами в снях. Радоваться бы, что у Ригеля такая мать, но на сердце было тяжело. Как же неправильно это: идти больше суток, тайком от мужа, чтобы побыть хоть немного с сыном, и опять оставлять его, раз за разом. Слезы, наверно, застыли в её глазах навсегда.

На ночь Кром, как обычно, оставил лучину зажжённой, а спать пошёл на лавку — неудобно показалось занимать кровать, когда она ещё хранит тепло матери Ригеля. Тот вернулся под утро и сразу, не умываясь, залез к нему.

— Совсем замёрз, — Кром повернулся и обнял его. Ригель промолчал, только прильнул к нему, прижимая к ногам холодные ступни.

— Проводил?

Кивок.

Кром вдруг почувал, что он устал, очень устал. А ещё перед глазами встало их с матерью прощание: она уходит к темнеющим вдали измам, Лис смотрит вслед, долго, а потом отворачивается и бежит обратно, в неприютную ночную синь.

— Помнишь, я тебе говорил, что Лис легко забывает человеческую жизнь?

— Помню.

— Бывает, хочется остаться, не перекидываться. У Лиса ведь всё просто. Побегал, поспал. Мышь поймал — вкусно, — Ригель криво улыбнулся. — Так легко.

— А как же она?

— К ней и возвращаюсь, — он вздохнул. — Но иной раз накатит, хоть вой.

— Лисы не умеют выть, они тьякают, — неуклюже пошутил Кром.

— Люди зато умеют, — вполголоса пробормотал Ригель.

Крому показалось, что он задохнётся, если не развеет хоть чуть тяжкую горечь, сдавившую горло после этих ригелевых слов. И он стал говорить. О матери — красавица, говорят, была. Об отце, что был первым запевалой в Полесье, за то его Словишей(6) прозвали; о том, как он добыл себе невесту, — почти сутки пел у её окошка, никто прогнать не смог; а без неё не пел, больше ни разу. Рассказал, как отец умирал на его руках; бабка бы вылечила, а он, Кром, не смог. Отец жалел, что не взял другую жену («Не привык ты у меня в семье жить, чего доброго, так бирюком и останешься...»). Ещё рассказал об избе, которая строилась на большую семью, а ныне стояла пустой и холодной. Ригель лежал тихо-тихо. Казалось, заснул, но когда он замолчал, тот завозился и улёгся так, что голова Крома оказалась у него на плече.

— Спи, — сказал Ригель. — Спи.

(1) — "кром" значит "крепость"

(2) — изначально слово писалось через "о"

(3) — март

(4) — по привычке погуглила выдуманное имя: "В русском фольклоре лесной дух, получивший, прозвище от слова «елань» — поляна в лесу. Иных характеристик персонажа не сохранилось". Т.к. нечисть неопасная и редкая, то имя оставлю, очень уж по-славянски звучит)

(5) — муж/хозяин

(6) — "соловей"

Глава 10

Наутро Крому было неловко за то, что наговорил накануне. Зачем вывалил всё на Ригеля, непонятно. Тому и своих горестей хватает. Он попытался сказать об этом, но Ригель отмахнулся и перевёл на другое. Разговоры он теперь затевал самые разные.

— Когда черёмуха зацветает, знаешь, почему холод настаёт? — спросил как-то. Кром знал баснь про это, но решил послушать и Ригеля.

— Почему?

— Однажды один загорский парень решил жениться. Звали его Ольша, жил он небогато...

Всё так, думал Кром, только не ваш Ольша, а наш Белослав. В остальном же было похоже, один к одному. Он сказал об этом Ригелю, тот осердился.

— Это наша баснь!

— Нет, наша.

— Нет! Нет!

Ни один не уступал, и они затеяли весёлую возню, покуда Ригель не запросил пощады. Мир скрепили поцелуем, всё равно дело шло к вечеру; потом долго не засыпали, гадали, почему так схожи басни, которые пересказывают в разных весях.

Другой раз спорили об охоте.

— Рыбу. Рыбу надо класть.

— Да как рыбу, если мясо? Всегда на приваду баранину беру.

— Ну и дурак. Мясо можно миновать, а рыбу не обойдёшь. Она на весь лес пахнет.

— Почему тогда охотники говорят...

— Ты кому больше веришь, каким-то там охотникам или мне?!

— Тебе, тебе...

Днём солнышко выглядывало из-за туч всё чаще. На взгорках снег отступил, в воздухе запахло прелыми прошлогодними травами. Лёд на Неряди напитался водой, стал совсем синий. И как-то в конце Зимобора пошёл дождь. Был он нудный, серенький, но сразу становилось ясно, что не пощадит, сожрёт остатки ноздреватого снега, смочит с земли изношенный зимний покров.

В один из этих дождливых дней Ригель сел на лавку и завёл совсем уж странный разговор.

— Вот говорят: правда богов. А какая она?

Кром, перебиравший за столом гречку, удивлённо посмотрел на него.

— Как это «какая»? Законы, которые чтим, и есть правда.

— Так не все же по ним живут.

— Значит, не видать им Верояни после смерти.

— Подумаешь. Кто знает, что там, после смерти, — пробормотал Ригель. — А я и вовсе в Вероянь не собираюсь.

— Что так?

— А чего там делать? Ходить да лазоревые цветочки нюхать?

— Цветочки не цветочки, а и Невь(1) тебе едва ли по нраву придётся.

— Не понравится, так перекинусь да убегу, — отшутился Ригель. Помолчав, начал опять: — Гляди... Если все должны чтить правду, то почему тогда боги не сотворили эту Вероянь повсюду? Зачем дали людям свой мир?

Кром пожал плечами. На такой вопрос только боги и смогут ответить.

— Значит, — не унимался Ригель, — человек может выбирать?

— Вестимо, может. Но если выберет неправильно...

— Да-да, — Ригель досадливо отмахнулся. — Правильно, неправильно...

Остаток дня так и просидел надутый, только к вечеру отошёл.

А наутро выкатилось солнце. Горячее, яркое. Оно оглядывало омытую дождём землю,

заботливо ощупывало пальцами-лучами все уголки, будто спрашивало: «Ну как вы тут без меня? Ладно ли отзимовали?»

С натопленной печью в избе было даже жарко. Ригель с утра шастал босиком, в одних штанах. Глядя на его спину, исчерченную белыми полосами шрамов, Кром наконец полюбопытствовал:

— Откуда?

— А, это... — Ригель плюхнулся рядом на залитую солнцем лавку и блаженно прищурился, греясь в лучах. — Раньше я частенько в Заречье бегал, к девкам.

— К девкам???

— Ну да. Первый раз ненароком вышло. Я перекинулся в рощице, а одна молодка меня, нагого, углядела. И не забоялась. Не сразу понял, что с ней делать, ну да потом разобрался. А там и другие пошли, я пронюхал, куда они по ягоды гуляли.

— Да как они не испугались?

— Ты же не испугался, — усмехнулся Ригель. — Да и не перед каждой я перекидывался. Так, вроде: молодец, неместный, любопытно. Ну и плёл я им там чего-то, что ученик ведуна или ещё что. Девки, им бы только уши развесить. Дома-то скотный двор, мамка строгая, да жених, какого родители предрекут. А им и другого хочется, тоже, чай, живые. Но я никого не неволил и силой не брал, не думай.

Кром ошалело помотал головой. Так он о Ригеле не думал, конечно. Но каков прохвост! Обгуливал себе зареченских девок и в ус не дул.

— И долго ты так?

— Да нет, с лето. По осени в лесу холодно стало, и я сдуру сунулся в село к одной, — Ригель поморщился. — Услышали нас. Поймали. И тут я сгруппил ещё пуще — перекинулся.

— Ох.

— Да уж. Как чую опасность, всегда перекидываюсь, само выходит, — Ригель вздохнул и открыл глаза. — Так-то бы просто намяли бока и отпустили, а тут — оборотень.

— И что было?

— Стали меня убивать, — просто ответил Ригель. — А никак, Лис живучий оказался. Позвали ведуна, он присоветовал серебром, да кто ж отдаст своё серебро, чтобы клинок отлить для нечисти? Думали, что вернее: голову отрезать да отдельно от тулова зарыть или живьём сжечь? Пока рядили, я из верёвок вывернулся и утёк, — он помолчал. — Далёко бы не ушёл, да Нерядь-матушка выручила. Прыгнул в воду, она на заливные луга и вынесла. Там отлежался помаленьку. Лис, он знает, какие травки жевать надо. И заживает на мне хорошо, ты помнишь.

Ригель лежал, опираясь затылком на подоконник, подставив лицо солнцу. Почему-то он не щурился, свет отражался в тёмных зрачках расплавленным золотом. А Кром смотрел на него и видел Лиса, ползущего из воды: как он цепляется за влажную землю, втаскивая на пологий берег израненное тело, как бессильно утыкается мордой в траву и стонет совсем по-человечьи. Словно воочию он увидел порванное ухо, сочащиеся кровью раны, проплешины на шкуре в тех местах, где клоки шерсти были вырваны с мясом. И в памяти всплыли собственные слова: «В

мире много дурного...» Но почему же, светлые боги, столько выпадает на долю иных людей? За что вы наказали десятилетнего мальчишку? И за что продолжаете наказывать? Ригель, будто угадав его мысли, скосил глаза и лукаво сказал:

— Вот тогда-то, видать, меня от девок и отвадило, как думаешь?

Он пихнул его локтем в бок, приглашая посмеяться шутке. Однако Кром не стал смеяться. Вместо этого придвинулся вплотную, наклонился и взял его лицо в ладони.

Ригель изумленно распахнул глаза. Ласки промеж ними случались только ночью, и Кром никогда не начинал первым, только отвечал. Ригель попытался заговорить, но тот уже поймал его губы, даря горячий, напитанный весенним солнцем поцелуй. Кром сжимал своего Лиса в объятии, крепком, но бережном, и ему было неважно, день сейчас или ночь, и не было дела до правды или кривды богов. Хотелось лишь гладить смуглую кожу, пытаясь стереть отметины шрамов, прижаться губами к выступающему уголку сломанной когда-то и неправильно сросшейся ключицы. Ригель дрожал в его руках и стискивал зубы, словно боялся, что любой звук спугнёт, разрушит это солнечное ведовство; но Кром добился от него желанных тихих стонов — когда накрыл собой и взял так осторожно и медленно, как только мог.

Потом они молча лежали на лавке, и солнце ласково стирало испарину с их тел. За окном заливалась горластая птаха, закликала весну. По всей земле неслась её песнь о том, что ещё одна зима без остатка растворилась в ликующей живе(2).

* * *

С того дня Ригель зачудил. Он то молчал как рыба, то болтал без умолку; то набрасывался на Крома с мелочными придирками, то ластился, точно соскучившийся кот. Кром терпеливо сносил всё. Ему и самому было беспокойно. Тёплый ветер приносил запахи молодых трав и цветов, напоминая, что в лесу уже просохло, можно отправляться в путь. Ночами снилась родная изба — брошенная, с заколоченными окнами, и утром Кром бывал особенно мрачен. А Ригель тогда просто сидел и следил, как он хозяйничает, и невозможно было прочесть по его лицу, о чём он думает.

Как-то Кром проснулся от зябкого сквозняка и непривычных звуков. Он поднялся и заморгал, не веря своим глазам: Ригель стоял в луже мыльной воды — он так убирался, и пел. Когда-то ему явно прошёлся по ушам медведь, песню было не узнать. Но Ригеля это не смущало, он размахивал тряпкой и знай себе горланил:

[i]Как по речке, реченьке глубокой

Лодочка плывёт...[/i]

Дверь была распахнута, по избе гулял шаловливый ветерок. Кром усмехнулся и тоже затянул толстым неверным голосом:

[i]А на берегу, берегу высококом

Девушка поёт...[/i]

По мнению Крома, любой песенник их бы задушил за такое глумление над «Лодочкой». Но они продолжали орать — кто в лес, кто по дрова. В конце взвыли так, что Кром упал на подушки и зашёлся от хохота.

— Чего ржёшь, мерин беловолосый? — неласково спросил Ригель. — Али овса не насыпали?

— Кто мерин, я?! — возмутился Кром и, увернувшись от мокрой тряпки, затащил его за полог.

После всего Ригель опёрся острым подбородком ему на грудь и долго смотрел в лицо. Наконец спросил:

— Уйти нацелился?

Кром промолчал. И так было ясно, что дольше он оставаться не мог. В Полесье ждал дом, дела, люди. Ждала прежняя жизнь, размеренная и привычная, жизнь, которую он вёл двадцать пять лет. Ригель вздохнул и спрыгнул с кровати.

— Я сейчас убегу, могу задержаться. Дождёшься?

— Ладно. А куда ты...

— Дождись обязательно, — повторил тот и нырнул в сени.

— Эй, ты куда собрался?

Кром, пытаясь на ходу натянуть штаны, метнулся было за ним, но в сенях уже было пусто. Он постоял немного, а потом вернулся в избу. Уборку надо было закончить.

К вечеру отмытая изба сверкала чистотой. Кром подлатал свой заплечный мешок, уложил пожитки, сплёл завязки для лыж — чтоб за спиной понести. Ригель в ночь не вернулся.

Не было его и на следующий день. Кром расхаживал по избе, думал, куда это его понесло. Под вечер сделалось совсем тоскливо. На глаза попала реза, которую он сам и начал, как пришёл. Он посчитал дни-чёрточки. Выходило, скоро Огнебога день(3). А там и Лельник(4) не за горами. На холме поставят скамью и усадят на неё самую красивую девушку, Лель. Прошлый год там Вариша сживала, и позапрошлый. Да и в этом, наверно, она будет хороводящим подругам венки плести. Ну куда же Ригель-то запропастился?

Он вернулся на третий день, вечером. Кром налетел было с расспросами, но у Ригеля был такой замученный вид, что он отступил.

— Не ушёл покуда? Хорошо, это хорошо, — Ригель похромал в прилуб, умыться. Кром проследил за ним взглядом и ахнул: на половицах оставались кровавые мазки.

— Ты что сделал?!

— Где? — глухо пробубнил Ригель в утиральник. — А. Это я просто лапы... ноги стёр.

Кром, ругаясь, усадил его на лавку; стал промывать ступни и натирать заживляющей мазью. Ригель морщился и объяснял:

— На взгорьях снег ещё не сошёл. Наст острый, лапы режет.

— Чего тебя на взгорье понесло?

Ригель промолчал. Когда Кром закончил перевязывать ему ноги и поднялся, он притянул его к себе и уткнулся лбом в живот.

— Ты... чего? — тот опешил. Ригель помотал головой и поднял глаза.

— Поспишь со мной?

Ложиться было ещё рано, но Кром кивнул.

— Лучину оставить?

— Как хочешь.

Они легли, как обычно: Ригель у стены. Некоторое время Кром смотрел на его осунувшееся лицо в рассеянном свете лучины, а потом заснул, сразу и крепко, словно сам мотался почти три дня по заледенелым взгорьям.

Проснулся он задолго до рассвета; Ригель уже был на ногах и собирал на стол. Пока они ели, Кром всё чудилось, что это продолжение мутного сна, о котором понимаешь, что это не наяву, а пробудиться не можешь. Но вот окоём разгорелся зарёй. Пора идти. Он стал собираться, Ригель помогал, и они мешались, натыкались друг на друга, роняли вещи. И не смотрели в глаза. Кром закинул за спину мешок, встал на пороге.

— Ну...

— Я провожу.

Они пошли вдоль крутого берега, за укрывающий избу склон, к роще, где зимой один Охотник подстрелил всё-таки хитрого Лиса. Ригель остановился. Кром обернулся к нему — следовало бы поблагодарить за кров и приют, но встретил его взгляд и опять ничего не смог сказать, просто стоял и смотрел. Рассвет зажёг в тёпло-карих зрачках золотистые искры, Ригель прищурился и улыбнулся Крому.

— Хорошей дороги.

— Да, я... спасибо тебе, — тот наконец отмер. Ригель махнул рукой.

— Не на чем. Ступай с миром.

Кром растерянно мотнул головой и отвернулся. Шаг, другой. Ноги были будто не свои. Хотелось обернуться и сказать ещё что-то, но что тут скажешь. Не нравилась ему эта прощальная ригелева улыбка — широкая, но неверная, ломкая. Он упрямо стиснул зубы, проклиная своё косноязычие, пошагал дальше. И вдруг кольнуло в сердце острой льдинкой, заныло: не уходи! Он обернулся...

У рощи никого не было. И лишь почудилось, что в ельнике мелькнул одиноким всполохом рыжий хвост.

(1) — аналоги рая и ада в пространстве ориджа. Вероянь позаимствована у группы "Калинов мост", слова "невь" гугл не знает.

(2) — жизнь/весна

(3) — 14е апреля

(4) — 22е апреля

Без лыж путь до Полесья должен был занять вдвое больше времени. Однако уже на рассвете четвёртого дня Кром достиг полесской околицы. Он шёл, почти не останавливаясь, словно убежал от чего-то, и теперь пошатывался от усталости. Первым встреченным человеком оказалась смутно знакомая старуха; она собирала за околицей первоцветы. Кром остановился. Солнечно-жёлтые цветы в морщинистых коричневых руках притянули взгляд, но на приветствие сил уже не осталось. Старуха тоже заметила его и встала, заслоняясь от света.

— Явился, — вымолвила наконец. — Явился.

По скрипучему язвительному голосу Кром и узнал её — старуху, которой помог по зиме тащить хворост.

— Явился, — он выдавил слабую улыбку. — Далеко меня завёл твой лёгкий снег, бабушка.

— Да уж вижу, — та окинула его пытливым взглядом. — Добро же. Зимой ты меня провожал, а ныне я тебя. Айда.

Кром пошёл следом, точно бык на верёвочке, недоумевая, куда это она собралась его вести. В селе на них сразу набросились собаки. «Не признали, — смутно удивился Кром. — А может, запах Лиса почуяли?» Старуха бойко отмахивалась от псов клюкой, но на лай из домов выглядывали люди. Отовсюду доносился ропот, удивлённый и испуганный. И тут Кром сообразил: даже после недели, проведённой вдаль от дома, путников не сразу пускают в дом. Мало ли, что приключилось в дороге? А ну как заявила нечисть под личиной хозяина? Да и любая скверна или порча могла пристать, дорога — лихое место, ничейное.

Крома не было два с половиной месяца.

Они дошли до середины села, до небольшого стогна(1). Там старуха остановилась и зыркнула на толпу, которая подтянулась за ними.

— Ну чего выпялились? Кличьте ведуна.

Некоторое время они так и стояли: Кром с бабкой в кольце настороженной толпы. Молча. «А если б я один заявился? — думал Кром. — Приласкали бы колом промеж глаз, а потом бы разбираться стали. Вон как собаки-то надрываются».

Наконец пришёл заспанный сухонький старичок, ведун. Кром поклонился. Ведун уколол его ясным взглядом из-под мохнатых бровей.

— Подержись-ка, добрый человек, за доброе железо, — вымолвил он, протягивая ему подкову. Всё верно. Подкова — это трижды железо, потому как знак небесной колесницы бога грома. Любая нечисть её чурается. Кром подержал подкову; потом, по настоянию ведуна, посмотрел на солнце и сотворил Охраняющий знак.

— Али не налюбовался, старый хрен? — бабка явно была ведуну приятельницей. Тот махнул рукой — чего, мол, переполошились? — и пошёл к себе, охая и потирая затёкшую за ночь поясницу. Бабка шустро поковыляла следом. Полесские переглядывались, но заговорить с Кромом так и не решались. И вдруг из-за спин раздался вопль:

— Где??? Где он?!

Из толпы вылетел взъерошенный Стех. Охнув, он безо всяких разговоров стиснул Крома в объятии.

— Ты где был, орясина? Где был, а??? Мы весь лес прочесали, ни следа, ни клочка одежды... — он задохнулся. Люди подступили ближе, загомонили: где? Где ты был? Как в зимнем лесу уцелел? А Кром всё молчал. Стех отстранился, всмотрелся ему в лицо.

— Ну чего налетели? — прикрикнул на полесских. — Не видите, умаялся человек.

Он потащил Крома за собой. Тот кое-как переставлял ноги и слушал сбивчивую речь — Стех путано пересказывал новости. Так и дошли до дома.

— За избой я присматривал, печь протапливал, домового угощал. Не убирался, правда...

Они уселись на крыльцо. Кром сбросил с плеч мешок и спросил:

— А как Вель?

Стех запнулся, словно на преграду налетел.

— Хорошо, — он улыбнулся. — Сосватают скоро.

Кром отвёл взгляд, не в силах видеть его улыбку — кривую, дрожащую. Совсем недавно он уже такую видел.

— А ты ведь голодный, — чересчур оживлённо подхватился Стех. — Я сейчас мигом...

— Да что я, безрукий, что ли, — проворчал Кром.

— Ладно, — на этот раз улыбка Стеха получилась почти весёлой. — Тогда хозяйничай. Пойду.

И ни о чём не стал спрашивать. Кром благодарно обнял его на прощанье. Разговаривать не хотелось.

— Да, — у калитки Стех обернулся. — А Варишу, знаешь, уже просватали. За какого-то купца городского.

* * *

Потянулись одинаковые дни. Кром вяло отбреживался от любопытных соседей, ел и спал — он убедил себя, что тяжкая тоска навалилась от усталости. Сны были беспокойными. В них он без конца бродил в сыром тумане и звал, звал кого-то, но не мог найти. Отдых не помогал. Тогда он взялся выделывать шкурки, накопленные за первые зимние месяцы. Целыми днями возился, под вечер рук не чуял, но даже добрая работа не прогоняла беспричинную грусть.

Добро бы из-за Вариши, но нет. Первой мыслью после слов Стеха было: «Не сиживать ей этот год на Лельнике, засватанным нельзя». А потом и вовсе про неё не думал. Зато всё чаще вставала перед внутренним оком избушка на крутом берегу Неряди. Чего-то Ригель поделывает? Может, встретит ещё его, раньше Лис частенько в Полесье набегал. Но глубоко внутри ныло — нет, не придёт он сюда. Больше не придёт.

Как-то Кром наткнулся на свой заплечный мешок и удивился: до сих пор не разобрал. Непорядок. Он достал оттуда свёрнутый тулуп, снадобья, запасной нож. А это что? На самом дне обнаружился тяжёлый свёрток. Кром размотал холстину...

Солнце заиграло на кованом золоте. Всё ещё не веря своим глазам, Кром достал из свёртка пару створчатых запястий. Длинные, они могли укрыть тонкую женскую руку от ладони до локтя. Древние, они были сделаны в те времена, о которых даже басней не сохранилось. Золото словно покрывала затейливая паутинка. Кром прищурился: по глади запястья неизвестный мастер нанёс рисунок, много крошечных рисунков. Вот две конницы сшиблись в битве у подножия высоких гор. Там великаны выходят из леса, здесь люди с рыбьими хвостами, а вот крылатый народ. Чудные, неизвестные звери и птицы. Сражение воина с ящером; у ящера на голове венец. Рисунок не повторялся ни разу. Разглядывать всё это можно было долго, а гадать об историях, изображённых мастером, вечно. Кром впервые увидел заветные дары, но сразу понял, почему люди стремятся ими обладать. Кусочек истинного, довременного чуда, осколок ушедших навсегда чудес. Не было ни одного изображения богов — не потому ли, что сами боги когда-то и оставили заветные дары, побросали, точно ненужный скарб по уходу в небесную обитель? А эти запястья носила своенравная богиня, да оставила — разонравились.

Кром смотрел и понимал, что держит в ладонях самое драгоценное, что есть в Полесье, да и везде, пожалуй, кроме Загорья. Но и там заветных запястий теперь не осталось. Вот куда уходил Лис. Три дня бегал, таился и как-то выпросил — не у отца, но у матери, наверно. А потом Ригель отдал вещь-из-рода, тайком подкинул ему в мешок. Любая невеста, хоть трижды засватанная, теперь пойдёт за него. И всё будет: дом — полная чаша, большая семья. Ригель подарил ему, чужому человеку, исполнение заветной мечты. Чужому? И перед глазами опять возникла как вживе его прощальная улыбка, резанула по сердцу...

Он бережно завернул запястья в холстину и вышел из избы.

* * *

Варишины родители встретили его неласково («Али не знаешь, она теперь невеста?»), но впустили.

Вариша сидела в светёлке; как будто пряла, но кудель спуталась, а веретено норовило выпасть из пальцев. Она смотрела в окно невидящим взглядом. Кром кашлянул.

— Ой! Это ты! — Вариша улыбнулась как ни в чём не бывало. — Давненько же тебя не было.

Да уж. Другие схоронить и оплакать успели, подумал Кром, а вслух сказал:

— Как поживаешь?

— Замуж я выхожу! За городского! — она всплеснула руками, и кудель сбилась окончательно. — Ты представляешь, какая в городе жизнь? Совсем не то, что в этой деревне. Столько дивного, и люди, люди какие — из других земель и из-за моря даже!

На её щеках разгорелся румянец — от радости, от предвкушения, на губах играла мечтательная улыбка. Вариша была чудо как хороша в этот миг. И правда: не место ей в деревне, думал Кром. Да она и сама, оказывается, о городе мечтала. Только вряд ли купчина толстопузый позволит такой красавице гулять, где ей вздумается. Скорее, посадит под замок да заставит приносить по ребёнку в год. Кром устыдился своих недобрых мыслей. Может, и не толстопузый вовсе. Может, ещё и не запрет. Вдруг он ощутил, что ему всё равно, и улыбнулся ей — уходящей, нет, отпущенной мечте, освобождено и весело.

— Счастья тебе.

— И тебе, — восторженно Вариша. — Тебе тоже!

Кром поклонился, вышел и более о ней не вспоминал.

* * *

Стех чинил забор. При виде Крома обрадовался, приглашающе махнул рукой — заходи, но тот ухватил его за локоть и бросил:

— Пойдём.

— Куда? — Стех со смехом влёкся следом. — Куда ты меня тащишь?

— Вель сватать.

— Что??? — Стех остановился и неверяще уставился на него. — Ты... зачем ты так? Этим не шутят.

— А я и не шучу, — Кром подтолкнул его дальше. — Пойдём, сам всё увидишь.

Вышень был дома. Он удивился их приходу, однако же пригласил в избу. Кром с порога сказал:

— Есть у тебя, Зима, дочь незасватанная.

В прилубе кто-то охнул, жарко зашептались женские голоса. Зима степенно огладил бороду.

— Не засватана, да сговорена. Опоздали вы, молодцы.

— А так? — Кром развернул холстину. Древнее золото поймало лучи полуденного солнца, по стенам рассыпались светлые блики. Стало тихо-тихо.

В Полесье давно уже не было заветных даров. Однако вышень о них помнил и умел распознать. Он взял запястье, взвесил на ладони, осмотрел узор — неторопливо, будто на рынке, но его выдавали чуть подрагивающие пальцы. Кром знал, каким будет ответ. Зима поднял взгляд и скупно улыбнулся.

— Присылай сватов.

Из прилуба долетел жалобный вскрик.

— Не я! — испугался Кром и, пошарив за спиной, вытолкнул вперёд остолбеневшего Стеха. — Он.

Зима насупился. Бортничество — опасное ремесло, да и из наследства у Стеха была только неказистая изба, которую он делил с матерью. Но золото так и играло солнечными пятнами.

— Добро, — кивнул он. — Стало быть, присылай ты.

Кром торопливо завернул холст, сунул Стеху в руки, и они, поклонившись, вышли. В сенях их настигли лёгкие шаги. Вель — встрёпанная, с дикими глазами, подбежала и, минуя любимого, повисла на шее у Крома.

— Братец, — прошептала. — Братец, спасибо...

— Ты где их взял? — отмер наконец Стех.

— Не твоя забота. Теперь они тво... ваши.

— Ну и ну, — Стех ошалело покачал головой. — Сколько же они могут стоять?

— Вот уж не знаю, — проворчал Кром, отфыркиваясь от щекотных кудряшек Вели. — А себе я сестрёнку названную купил, видишь.

Стех рассмеялся и обнял их.

* * *

Тем же вечером Кром собирался в дорогу.

— Куда хоть идёшь? — в десятый раз спросил Стех. А он в десятый раз отмахнулся — надо.

— Ладно. За домом я присмотрю.

— Вот что, — Кром подтянул завязки у мешка. — Если я не вернусь, живите с Велью здесь. А то чего с матерью тесниться будете.

— Да я хотел новую избу строить в лето... — и тут до Стеха дошло. — Как это «не вернусь»??? Ты чего удумал, а? — он вцепился в Крома мёртвой хваткой и тряхнул. — Отвечай!

— Ничего. Ну, ничего дурного. Не бойся за меня, — тот мягко высвободился.

— «Не бойся», — передразнил Стех. Он достаточно знал Крома, чтобы понять: не скажет. — На свадьбу-то хоть придёшь, дружкой? — жалобно спросил он.

— Может, приду, — Кром вскинул мешок на спину. — Да, в сенях шкурки выделанные, возьми. Подарок на свадьбу.

— А то мало одарил, — Стех обнял его, безнадёжно ткнулся лбом в плечо. — Может, помочь надо?

— Нет, — Кром улыбнулся. — Помогать не надо. Ну, бывай.

На пороге он приостановился, обвёл взглядом избу и, приложив ладонь к косяку, мысленно попросил прощения у духов пращуров. «Это была мечта отца, не моя». Можно ли оправдаться за то, что оставляешь кров и отказываешься продолжать род? Кром надеялся, что родители, где бы они ни были, простят непутёвого сына: ведь по-другому он не может. Странно, что не понял сразу.

Когда Кром возвращался домой, то ни о чём не думал, просто шёл. Теперь же одолевали невесёлые мысли. А что если Ригель не примет его? Может, он ему и не нужен? Или не простит ухода? От таких дум было впору развернуться и идти обратно. А ещё думалось: кто-то же научил его всему. Мало ли, какие ещё охотники находили спрятанную избу раньше. Или на прогулках своих наткнулся на кого, как на девок в Заречье. Он вспомнил, как Ригель шарахался от его безобидных лекарских прикосновений, как прятал наготу поначалу; если и повстречал где другого, то не больно-то тот был ласков...

От таких мыслей хотелось кого-нибудь убить. Или прибавить шагу. Но несмотря на волнение, на сердце было легко. Он шёл туда, куда хотелось. И если вспомнить о подарке, который он получил, можно было думать, что Ригель всё-таки будет рад.

В конце третьего дня он подошёл к знакомой роще. Остановился перевести дух и унять радостное волнение — вот сейчас, сейчас свидятся! Он шагнул вперёд и вдруг остановился как вкопанный. В траве лежала одежда Ригеля. В том самом месте, где они расстались. И сразу было ясно: сняли её не сегодня.

Кром уронил в траву мешок и побежал.

Ещё издали он увидел, что распахнутая дверь просела. Должно, её давно не закрывали. Из сеней под ноги выметнулся жирный барсучишко — приходил поискать еды и не забоялся. Внутри нашлись следы других зверей. А ведь Ригель говорил, они его сторонятся...

Кром скатился с крыльца. Следов Лиса не было. Вытерло дождём или затоптали? Но нутром чуял: его нет здесь, уже давно.

— Ригель! — отчаянно позвал он. — Риийигееель!

Звонкое эхо заскакало по верхушкам деревьев, вспугнуло болтливых соек. Кром метался по берегу, взглядывал на кряж. Где же его искать? Он вернулся назад, к роще.

К вечеру Кром окончательно сбил ноги и охрип. Уже в сумерках подошёл к месту, где бросил мешок, опустился на траву. Всё зря. Всё...

Хрустнула ветка. Кром поднял глаза. На опушке стоял Лис. Стоял и смотрел на него.

— Ригель! — Он вскочил на ноги, но Лис прынул назад. — Ты что? Это же я, — он шагнул навстречу, но тот отскочил. С замирающим сердцем Кром опустился на колени, не позволяя себе думать, что же с ним произошло. Сейчас главным было не дать Лису уйти. Медленно и очень плавно он вытянул руку раскрытой ладонью вверх.

— Ригель, — позвал шёпотом. — Иди, иди ко мне.

Лис сделал шагок, не сводя с него настороженного взгляда. Кром сидел неподвижно, лишь звал тихим голосом. Ближе, ещё. Перед каждым шагом Лис замирал, держа на весу лапу, словно подумывал, а не убежать ли, но всё равно двигался к нему. Вот он тронул носом пальцы, обнюхал руку. Тело Крома будто одеревенело, но он по-прежнему не шевелился. Чёрный нос усиленно вбирал его запах, Лис подошёл вплотную, а потом вдруг заскулил — совсем по-собачьи, уронил голову ему на плечо. Кром обнял его, не чувствуя слёз, текущих по щекам, и пробормотал:

— Это же я... ну что ты... не признал?

Лис опять заскулил, задрожал, забился, и в его руках оказался нагой Ригель. Кром отстранился, заглянул ему в лицо и чуть не закричал.

С родного лица на него смотрели тускло-жёлтые глаза дикого лиса.

* * *

С того дня Ригель больше не позволял прикасаться к себе. И не говорил. Он пошёл за Кромом в избу, но ел, умывался, одевался очень медленно, повторяя за ним, словно ребёнок, который ещё нетвёрдо помнит порядок вещей или глубокий старик, который уже начал его забывать. Днём он сидел у окна или бродил вокруг избы. Иногда брал в руки какую-нибудь вещь и подолгу смотрел на неё. Кром посчитал, сколько его не было, — пятнадцать дней. Пятнадцать.

А разум оборотня в звериной сущности туманится уже на седьмой день. По всему выходило, Ригель решил уйти в чащу и стать непомятым счастливым лисом именно после того, как он оставил его. Не выдержал. Кром бы каждый день бился головой о стену и проклинал себя за уход, если б у него было хоть сколько свободного времени. Днём он хлопотал по дому и следил за Ригелем. Кром опасался оставлять его одного и куда бы тот ни шёл, следовал за ним. А ещё он говорил с ним. Рассказывал об отце и бабке, о Полесье, о Вели и Стехе, обо всём. Бывало, Ригель поворачивался на голос, будто прислушиваясь; другой раз равнодушно отводил застывший звериный взгляд. Кром продолжал говорить. Иногда казалось, что ригелевы глаза потемнели, и холодная, с серым оттенком желтизна понемногу сменяется карей теплотой; но он по-прежнему молчал. А Кром всё говорил.

Ночами же он лежал рядом и сторожил. Ночами Ригель иногда возвращался. Однажды Кром услышал своё имя. Обрадованный, он растолкал спящего и едва успел поймать — тот, сбегая от прикосновений, выскочил из избы и нипочём не хотел возвращаться. Кое-как уговорил и завёл внутрь. С той ночи он просто лежал рядом, а когда Ригель начинал бормотать ласково его имя, придвигался, обнимал и звал тихонько:

— Вернись ко мне... Вернись, Ригель, — и само рвалось с губ запомненное нежное слово из чужой молви: — Ма ниэлэ, мой родной...

Кром почти не ел и совсем не спал. Он осунулся, штаны пришлось подвязать. Но в голове было одно: «Не уйду. Не брошу. Пусть останется таким, всё равно. Но он не останется. Он вернётся. Вернётся».

Однако шли дни, и ничего не менялось. Одна седмица, другая. Всё оставалось по-прежнему.

Как-то под утро Кром услышал, что Ригель опять мурлычет сквозь сон его имя. Он вздохнул, привычно пододвинулся...

Ригель не спал. Он улыбался и смотрел на Крома неясными спросонья глазами. Лукавыми карими глазами.

— Кро-о-ом, — разнеженно протянул он и прильнул всем телом. — Пришёл?

Тот смог только кивнуть.

— А я замаялся, — задумчиво сказал Ригель. — Так замаялся. И всё спал, спал...

— Ну теперь-то выспался? — Кром кое-как совладал с дрожащим голосом.

— На всю жизнь! — рассмеялся Ригель и тут же озаботился: — А вот тебе бы надо поспать.

Кром просто обнял его, уткнулся лицом в шею, ощущая, как в груди разливается что-то огромное, невыносимо сладкое и горячее. Узкие ладони скользили по его спине и плечам, зарывались в волосы, и большего счастья на свете не было и быть не могло. Кром прерывисто вздохнул и стиснул Ригеля так, что у того затрещали кости. Однако он не отстранился, лишь спросил:

— Ты надолго?

Кром не сразу понял его слова. А когда понял, шепнул в ответ:

— Пока не выгонишь.

И заснул. Он уже не услышал, как Ригель рассмеялся и выдохнул ему в макушку:

— Стало быть, на всю жизнь.

За окнами разгорался светлый день. Яркие лучи заливали кровать, били в лицо, но Ригель не пытался отодвинуться, лишь щурил карие глаза и тихо улыбался чему-то — то ли солнцу, то ли своим мыслям. А Кром спал у него на груди и видел во сне ликующую пляску рыжего лиса в лучах рассвета.

(1) — зд. площадь

Конец.

Написание орджа далось мне нелегко. Я благодарна всем читателям за интерес к тексту, но особое гоу еси и большущее миртовое спасибо адресую тем, кто поддерживает своими отзывами. Спасибо вам, кланяюсь и лобызаю в ланиты от всей души)

КОНЕЦ

Файл скачан с сайта Fanfics.me - www.fanfics.me